

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**В. Л. ВАСИЛЬЕВ, И. И. МАМАЙЧУК,
В. П. СМIRНОВ**

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГА
В КАЧЕСТВЕ КОНСУЛЬТАНТА,
СПЕЦИАЛИСТА И ЭКСПЕРТА
НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ**

Учебное пособие

Санкт-Петербург
1997

ББК 88.4

Васильев В. Л., Мамайчук И. И., Смирнов В. П.
Использование психолога в качестве консультанта, специалиста и эксперта на предварительном следствии: Учебное пособие. СПб., 1997. 64с.

Рецензенты:

1. Зав. межвузовской кафедрой практической психологии Санкт-Петербургского архитектурно-строительного университета, доктор психологии, наук, профессор, академик Балтийской педагогической академии М. К. ТУТУШКИНА.

2. Президент Консорциума “Социальное здоровье России”, доктор психологии, наук, профессор С. А. БЕЛИЧЕВА.

В пособии рассматриваются аспекты участия психолога в качестве консультанта, специалиста и эксперта в процессе раскрытия и расследования преступлений, в том числе наиболее сложных — убийств; сексуальных; совершенных организованными группировками и др.

Излагаются вопросы назначения, организации и оценки результатов судебно-психологических и комплексных экспертиз с участием психолога в процессе доказывания по уголовному делу.

В пособии приводятся примеры из экспертной практики авторов.

Пособие адресовано прокурорско-следственным работникам и всем интересующимся вопросами внедрения достижений психологии в практику правоохранительной деятельности.

ISBN 5-89094-036-8

І. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ГУМАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ

Судебно-психологические знания в деятельности органов по поддержанию правопорядка реализуются, в первую очередь, непосредственно работниками правосудия, обеспечивая правильную диагностику личности, индивидуальный подход к человеку, выбор и применение наиболее соответствующих ситуации тактических приемов, и таким образом способствуют решению на глубоко научной основе практических задач в деле борьбы с преступностью.

Однако не во всех случаях сами органы и лица, представляющие правосудие, могут использовать все данные и методы сегодняшней психологической науки.

Вопрос о психологических исследованиях в уголовном суде был поставлен юристами России после судебной реформы 60-х годов XIX в. На основании тридцатилетнего опыта работы судов присяжных Л. Е. Владимиров писал: “Людьми всегда судится целый человек, а не таксируется отдельное, вырванное из его жизни деяние”. По его мнению, “...целям уголовного правосудия удовлетворяет лишь медико-психологическое исследование”. Проводить его может специалист, подготовленный по медицине и психологии. Медико-психологическое исследование должно включать исследование содержания психологической жизни — сферы чувств, умственной жизни, мотивов, внушаемости личности. “Чужая душа не всегда потемки. Научная психология дает свет”. Интересны и актуальны взгляды Л. Е. Владимирова на оценку психологического состояния подсудимого. Он подчеркивал ее значение для решения вопроса о вменяемости и отмечал, что психологическое исследование подсудимых позволяет определить степень опасности преступника и возможность его пребывания в обществе¹.

Итак, еще задолго до внедрения экспериментальной психологии в юридическую практику передовые отечественные юристы отмечали значение психологических исследований.

Формирование практической психологии на научной основе приходится на конец XIX начало XX вв. В это время появляются и первые опыты использования психологических знаний в

---

¹ См.: Владимиров Л. Е. Психологические особенности преступников по новейшим исследованиям. М., 1898.

судопроизводстве стран Западной Европы. Известные психологи того времени Э. Клапаред, К. Марбе, В. Штерн работали над созданием основ судебно-психологической экспертизы. Ими были проведены психологические исследования по различным уголовным делам. Каждое экспертное исследование носило не только практический, но и научно-исследовательский характер. Но на пути поисков не удалось избежать и ошибок. Например, В. Штерн считал, что функция следователя должна ограничиваться только собиранием доказательств, оценка же их должна быть передана психологу и основываться исключительно на данных лабораторных исследований и знании механизма и закономерностей психических функций.

Достижения экспериментальной психологии начинают использоваться и в России. В частности, В. М. Бехтерев и его ученики активно занимаются проблемами психологической диагностики преступников и свидетелей. Первым значительным исследованием в области судебно-психологической экспертизы была книга А. Е. Брусиловского “Судебно-психологическая экспертиза”, вышедшая в свет в 1929 году в г. Харькове. В ней описаны опыты проведения судебно-психологической экспертизы в уголовном судопроизводстве.

Первоначально попытки использования экспериментальной психологии сводились в основном к разработке методик определения достоверности показаний участников уголовного процесса. Например, А. Р. Лурия в 1928 г., исследуя психические процессы, разрабатывает сопряженную моторную методику с целью диагностики аффективных следов¹. Эта методика является прообразом детектора лжи, широко применяемого в зарубежной юридической практике.

В работах того периода активно исследуется личность правонарушителя. Это имело свои положительные стороны, так как позволяло точно и правильно квалифицировать совершенные преступления, учитывая все объективные и субъективные моменты. Но, с другой стороны, претендуя на установление достоверности показаний участников судебно-следственного процесса, эксперт брал на себя задачу определить, насколько правдивы или ложны эти показания. Например, на основе свободного рассказа подэкспертного и ответов на вопросы эксперты-психологи делали вывод о наличии или отсутствии так называемых “симптомов лжи”, объективно обусловленных тем или иным типом личности. Предполагали, что субъекты, характеризующиеся хо-

---

¹ См.: Лурия А. Р. Экспериментальная психология в судебном деле. М., 1928.

лодностью, угрюмостью, циничностью, готовы на заранее обдуманную ложь, искажение фактов. Поэтому ценность показаний таких лиц считалась сомнительной. Недостоверными рассматривались показания субъектов с комплексами неисполненных желаний.

Следует отметить, что в психологической практике еще не было эффективных научно обоснованных методик всестороннего исследования личности, и поэтому экспертная задача не могла быть решена. Но не это являлось главным недостатком судебно-психологической экспертизы. Давая ответ на вопрос о достоверности показаний подэкспертного, эксперт-психолог переступал границы своих специальных знаний и процессуальных полномочий и тем самым вторгался в пределы компетенции следствия и суда.

Заблуждения некоторых сторонников судебно-психологической экспертизы в тот период получили заслуженную критическую оценку ведущих юристов. Однако на фоне этой критики не было конструктивных предложений, которые способствовали бы правильному и строго регламентированному применению психологических знаний в уголовном процессе.

И только в конце 50-х начале 60-х годов был поставлен вопрос о необходимости восстановления в правах юридической психологии и судебно-психологической экспертизы. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 6 от 3 июля 1963 г. "О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних" указывалось на целесообразность проведения судебно-психологической экспертизы при выяснении способности несовершеннолетних полностью осознавать значение своих действий и определении, в какой мере они могли руководить ими. С этого постановления начинается активное использование психологических знаний в следственной и судебной практике. Исследования отечественных юридических психологов позволили на качественно ином уровне ставить и решать психологические задачи применительно к целям следственного и судебного процесса. В 1980 г. назначению и проведению судебно-психологической экспертизы было посвящено методическое письмо Прокуратуры СССР. В соответствии со ст. 78 УПК РСФСР "Экспертиза назначается в случаях, когда при производстве дознания, предварительного следствия и при судебном разбирательстве необходимы специализированные познания в науке, технике, искусстве или ремесле... Вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение не могут выходить за пределы специальных познаний эксперта."

Одной из частных задач судебно-следственного процесса является оценка личности обвиняемого, потерпевшего или свидетеля. В задачу эксперта-психолога может войти общая психологическая характеристика личности (так называемый психологический портрет). Эксперт на основании своих профессиональных знаний выявляет такие свойства и качества личности, которые позволяют сделать вывод о психологическом облике человека. Но его экспертная деятельность, в отличие от деятельности суда и следствия, не носит социально-оценочного характера, а строится на научно обоснованных положениях психологии.

Например, в Германии, Польше и Чехии общая психологическая характеристика личности является необходимым компонентом любого судебно-следственного дела. Согласно немецкому законодательству при рассмотрении каждого случая противоправных действий несовершеннолетних должно быть установлено, может ли несовершеннолетний нести уголовную ответственность за свои деяния. Предпосылкой способности быть виновным считается достижение подростком, которому исполнилось 14 лет, уровня психического развития, позволяющего действовать в соответствии с требованиями общества, сознательно соотносить свое поведение с правилами общежития, нормами и требованиями закона. В законодательстве отразилось таким образом представление о том, что большинство подростков к 14 годам обретают способность сознательно контролировать свои действия. Отсутствие или недостаточное развитие способности сознавать значение своих действий и руководить ими психологи связывают не только с болезненным расстройством психики, как это делают судебные психиатры, но и с некоторыми психологическими особенностями здоровых подростков. В предмет судебно-психологической экспертизы включаются также причины и условия, способствовавшие совершению подростком правонарушения, и рекомендации воспитательного характера. Исходя из оценки индивидуально-психологических особенностей подростка, окружающей его социальной среды, эксперт-психолог может рекомендовать поместить несовершеннолетнего в воспитательное или лечебное учреждение, внести предложение по улучшению деятельности органов по делам молодежи, дать конкретные советы родителям и воспитателям. Тем самым судебно-психологическая экспертиза в Германии участвует в предупреждении преступлений несовершеннолетних, их исправлении и перевоспитании. В других европейских странах, например, в Польше, исследованию психолога-эксперта подлежат индивидуально-психологические

особенности свидетелей, условия, в которых воспринимались ими определенные факты, содержание показаний и некоторые другие обстоятельства.

Экспертному исследованию могут подвергаться только те феномены, которые определяются уровнем развития психологической науки. Одно из условий объективного заключения — научная надежность применения методов специального исследования. Однако возможности современной психологической науки не безграничны. Существует много вопросов, дать которым научное обоснование на сегодняшний день не представляется возможным.

За последние десятилетия в нашей стране институт судебно-психологической экспертизы получил достаточное развитие. В настоящее время в ряде научных центров страны (Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Ярославль, Волгоград и др.) следственным и судебным органам может быть оказана квалифицированная психологическая помощь по самым различным направлениям судебно-психологической экспертизы.

II. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГА В КАЧЕСТВЕ КОНСУЛЬТАНТА И СПЕЦИАЛИСТА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ

Психолог в процессе предварительного следствия может принимать участие в качестве консультанта по делу, специалиста, эксперта.

В практике работы наиболее опытных следователей есть немало примеров, когда успешному разрешению сложных ситуаций способствовала помощь психолога в качестве специалиста-консультанта или эксперта. В ряде случаев (раскрытие серийных убийств, совершенных на сексуальной почве, планирование первоначального этапа раскрытия преступной деятельности организованной преступной группировки) такая помощь явилась главным фактором, определившим успех в раскрытии этих преступлений. Можно отметить, что чем выше профессиональная компетентность следователя, тем эффективнее его сотрудничество с психологом.

Участие психолога в качестве консультанта носит внепроцессуальный характер. Такая форма сотрудничества возможна для получения следователем информации справочного характера. Это могут быть данные о типичных особенностях восприятия, памяти и мышления детей определенного возраста или людей преклонных лет, о характерном влиянии на психические процессы и поведение человека различных психических состоя-

ний возникших вследствие алкогольного или наркотического опьянения, стресса, сильного страха, дефицита времени и др. Консультации могут быть даны и по конкретным уголовным делам, например, психолог может задать направление изучения личности обвиняемого в зависимости от вида совершенного им преступления, подсказать возможные источники информации о человеке, дать рекомендации по установлению с ним психологического контакта.

Сотрудничество с психологом приобретает важное значение при расследовании дел об организованной преступности и групповых преступлениях. Психолог способен оказать содействие в выявлении внутренней структуры группы, характера взаимосвязей между ее участниками, выяснить сложившееся распределение ролей в группе, ее лидеров, способствовать поиску уязвимо-го звена и эффективного способа воздействия на него при расследовании преступления.

Сотрудничество следователя с психологом не ограничивается взаимодействием в процессе следствия. Специфика деятельности следователя предъявляет повышенные требования к его стрессоустойчивости, саморегуляции психического состояния, работоспособности. Грамотный психолог может помочь следователю выработать оптимальный индивидуальный ритм деятельности, преодолеть негативные эмоциональные состояния, предупредить развитие профессиональной деформации. В настоящее время на кафедре правовой психологии Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ разработан и внедрен в практику комплексный метод психологического консультирования в форме компьютерной психодиагностики и оказания разносторонней психологической помощи. Слушатели Института на сугубо добровольной основе имеют возможность пройти достаточно глубокое и всестороннее психологическое обследование, индивидуальное собеседование с психологом, в необходимых случаях принять участие в психологических тренингах и других формах психокоррекции.

Роль психолога в качестве специалиста регламентируется ст. 133¹ УПК РСФСР. В этом случае психолог может быть привлечен к участию в производстве следственных действий — допроса, обыска, осмотра места происшествия. Результаты деятельности специалиста фиксируются в протоколе следственного действия, задача следователя — придать им доказательственное значение.

Закон предусматривает участие педагога в допросе малолетних и несовершеннолетних. Эту функцию можно поручить дет-

скому психологу — специалисту, обладающему научными знаниями в области психологии детей и подростков, владеющему профессиональными практическими навыками общения с ними. Здесь психолог может скорректировать формулировки вопросов следователя для их адекватного восприятия ребенком, дать сведения, которые следователь может использовать для оценки показаний малолетнего свидетеля. Психолог может подсказать тактику проведения допроса, помочь создать неофициальную атмосферу, сгладить возможное состояние скованности, настороженности, недоверия ребенка, преодолеть негативистскую позицию подростка, стыдливость и стеснение несовершеннолетней потерпевшей от полового посягательства.

Сходные задачи решает психолог в отношении лиц с признаками умственной отсталости. Он призван способствовать установлению контакта, дифференцировать вопросы, тематику допроса с учетом особенностей познавательной сферы такого допрашиваемого.

III. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ

Как и любая иная, судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) представляет собой исследование, проведенное сведущим лицом — экспертом на основе специальных познаний, в данном случае — в области психологии, с целью дачи заключения, которое после соответствующей его проверки и оценки следователем либо судом будет являться доказательством по уголовному делу.

Предметом СПЭ является изучение конкретных процессов, свойств, состояний и механизмов психической деятельности человека, имеющих значение для установления истины по уголовному делу.

Объектом СПЭ является психическая деятельность здорового человека.

К компетенции СПЭ относятся:

а) установление способности несовершеннолетних обвиняемых, имеющих признаки отставания в психическом развитии, полностью сознавать значение своих действий и определение, в какой мере они способны руководить ими;

б) установление способности обвиняемых, потерпевших и свидетелей адекватно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания;

в) установление способности потерпевших по делам об изнасиловании (в том числе малолетних и несовершеннолетних)

правильно понимать характер и значение совершаемых с ними действий и оказывать сопротивление;

г) установление наличия или отсутствия у подэкспертного в момент совершения преступления состояния аффекта или иных непатологических эмоциональных состояний (сильного страха, депрессии, эмоционального стресса, фрустрации), способных существенно влиять на его сознание и деятельность;

д) установление наличия у лица, предположительно покончившего жизнь самоубийством, в период, предшествовавший его смерти, психического состояния, предрасполагавшего к самоубийству, и определение возможных причин возникновения этого состояния;

е) установление ведущих мотивов в поведении человека и мотивации отдельных поступков как важных психологических обстоятельств, характеризующих личность;

ж) установление индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, способных существенно повлиять на его поведение и на формирование у него намерения на совершение преступления.

Кроме того проводятся СПЭ, направленные на определение наличия или отсутствия у лица, управлявшего техническим устройством, психического состояния, существенно повлиявшего на его способность управлять этим техническим устройством (на транспорте, в производстве).

Новое применение получила в последнее время СПЭ социально-психологической структуры преступной группы, которая стала использоваться в отношении организованных преступных формирований.

В компетенцию СПЭ не входит оценка юридических признаков субъективной стороны преступления, юридическая квалификация, моральная оценка личности и поведения подэкспертного, решение вопросов медицинской диагностики.

Юридическое основание для производства СПЭ — соответствующее постановление следователя или определение суда.

При назначении судебно-психологической экспертизы должны быть правильно сформулированы вопросы, предлагаемые на разрешение эксперта. Они не должны выходить за рамки его профессиональной компетенции, в частности, носить правовой характер.

Так, недопустима подмена психологических понятий (физиологический аффект, эмоциональное состояние, эмоциональная реакция) правовыми, например, “внезапно возникшее сильное душевное волнение”.

Перед экспертом-психологом не могут быть поставлены вопросы относительно достоверности показаний допрашиваемых лиц.

Формулируя вопросы, необходимо учитывать: общий предмет, объекты и научно-методические возможности СПЭ; уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, криминалистическое и исправительно-трудовое значение устанавливаемых с помощью заключения экспертов фактов и конкретные обстоятельства дела, в связи с которыми возникли повод и основание для назначения СПЭ.

Основная функция вопросов — максимально точно и полно раскрыть предмет назначаемой экспертизы. Понятно, что исчерпывающий список вопросов составить невозможно, поскольку для этого потребовалось бы проанализировать все без исключения уголовные дела, по которым СПЭ назначалась. Подобно тому, как приводимая ниже классификация видов СПЭ не является исчерпывающей и нуждается в совершенствовании, так и предлагаемые по каждому виду СПЭ вопросы следует рассматривать только как типовые, нуждающиеся в уточнении и конкретизации.

Любые психологические исследования в рамках СПЭ состоят из следующих этапов:

изучение экспертом поставленных перед ним вопросов и выяснение предмета экспертизы;

постановка задач исследовательского характера;

отбор методов исследования в соответствии с поставленными задачами;

непосредственное проведение исследования:

психологический анализ материалов уголовного дела;

наблюдение за подэкспертным;

беседы с подэкспертным;

применение инструментальных методов исследования индивидуально-психологических особенностей подэкспертного;

анализ и обработка полученной информации;

работа со специальной литературой;

составление заключения эксперта.

В соответствии с процессуальными требованиями в предмет доказывания по уголовным делам входят мотивы преступления. Однако это обстоятельство, по сравнению с другими, наиболее трудно для исследования, поскольку мотивы не всегда осознаются преступником, либо подменяются им социально приемлемой мотивировкой.

По некоторым делам практически отсутствуют прямые доказательства мотива преступления. Для его установления не-

достаточно обычных, “традиционных” доказательств. Такие преступления относят нередко к безмотивным. Но поскольку полностью безмотивных преступлений не бывает, следует использовать для выяснения мотива преступления специальные знания в области психологии.

С целью уменьшения ошибок, допускаемых иногда судами при квалификации преступлений, целесообразно обязательное проведение такой экспертизы по делам о преступлениях несовершеннолетних, при “неосознаваемых” мотивах взрослых преступников и при наличии данных, дающих основание полагать, что преступление было обусловлено аффектогенным мотивом.

При помощи СПЭ удается объяснить поведение обвиняемого, выяснить его психологическую установку и стимулы, побудившие его к действию.

Эксперты-психологи определяют мотив преступного поведения как процесс, отражающий влияние внешних и внутренних факторов на поведение человека. Их задача сводится к исследованию потребностей, убеждений, психических свойств личности, влияния среды. С учетом этих обстоятельств они могут дать ответ, что данный мотив чужд конкретной личности.

Уголовно-правовое значение СПЭ в том, что она способствует установлению признаков личности, которые являются элементами состава преступления (внезапно возникшее сильное душевное волнение, беспомощное состояние потерпевшей) и мотива преступления.

Судебно-психологическая экспертиза — одно из средств, обеспечивающих соблюдение уголовно-процессуального закона при производстве предварительного расследования и рассмотрении дела в суде.

В целом же судебно-психологическая экспертиза способствует раскрытию и расследованию преступления. Данные, полученные в ходе экспертного исследования, помогают также правильной организации процесса оказания исправительного воздействия на лицо, совершившее преступление.

Основные методы, применяемые при судебно-психологическом исследовании, следующие:

метод психологического анализа материалов уголовного дела;

анамнестический (биографический) метод;

методы наблюдения и естественного эксперимента;

инструментальные методы изучения индивидуально-психологических особенностей личности.

Эти методы требуют владения экспертом современными приемами регистрации поведения субъекта, его эмоциональных

реакций, особенностей мышления и т. п. в конфликтной ситуации следственного общения, а также навыками анализа феноменологии индивидуального поведения.

К инструментальным методам изучения индивидуально-психологических особенностей прежде всего относятся различные варианты метода эксперимента, а также разнообразные тестовые методы, анкеты, опросники, описание которых содержится в фундаментальных руководствах по психодиагностике и не входит в нашу задачу.

Эта группа методов имеет исключительно важное значение для установления уровня, структуры, степени постоянства-изменчивости отдельных психических особенностей человека. Однако в условиях судебно-психологической экспертизы в материалах, получаемых с их помощью, неизбежны искажения, являющиеся специфическими “артефактами” психологического изучения личности человека. Они требуют специального изучения и учета на всех этапах экспертного исследования.

От правильного выбора методов исследования во многом зависит качество и научный уровень каждой конкретной экспертизы. Однако ни один из используемых в СПЭ методов не ведет к ответу на стоящий перед экспертом вопрос непосредственно. Совместное применение нескольких экспериментальных, тестовых, анкетных и других методов должно быть во всех случаях направлено как на взаимное дополнение получаемых данных, так и на то, чтобы обеспечить всестороннее описание предмета экспертизы. В связи с этим, во избежание необоснованной критики в адрес применяемых методов исследования, психологам-экспертам необходимо не только указывать в актах экспертизы их диагностические возможности, но и иметь теоретическую и практическую подготовку в области системных описаний, позволяющих воссоздать целостную картину различных психических явлений.

Психолог-эксперт не вправе применять в ходе экспертного исследования недостаточно апробированные методы психодиагностики. В отдельных случаях, когда их использование представляется крайне необходимым для изучения предмета экспертизы, каждый новый метод должен быть подробно описан в акте СПЭ с указанием его диагностических возможностей и данных о надежности измерения.

Одним из методологических принципов организации и проведения СПЭ является метод реконструкции психологических процессов и состояний подэкспертного в период, предшествовавший событию преступления, в момент преступления и непо-

средственно после него, выявление психологических особенностей, динамики этих процессов.

Ряд авторов выделяют три этапа формирования антиобщественного поступка: а) формирование личности с антиобщественной ориентацией; б) формирование у субъекта конкретного решения на совершение антиобщественного поступка; в) реализация этого решения, включая совершение поступка и наступление вредных последствий. Перед экспертом-психологом стоит задача выделения психологических детерминант на каждом этапе. На первом этапе необходимо проанализировать формирование самосознания, самооценок, особенности развития реальных жизненных ценностей и нравственно-нормативных установок. Важное место занимает и анализ индивидуально-типологических и характерологических особенностей подэкспертного. На втором этапе исследуются особенности способа принятия решения подэкспертным. Принятие решения рассматривается как процесс взаимодействия личностных черт субъекта, его установок, ценностных ориентации, мотивов поведения с особенностями объективной внешней ситуации, в которой подэкспертный должен действовать.

Проблемы личностной обусловленности решений на совершение антиобщественного поступка — это вопрос о том, какую роль играют индивидуальные свойства психики, а также о том, регулируют ли они процесс принятия решения. Если на первом этапе эксперт-психолог изучает индивидуальные свойства личности, то на втором этапе необходимо соотнести выявленные личностные характеристики с образами объективной внешней ситуации. В процессе решения этих вопросов необходимо исследование особенностей реагирования личности на жизненные обстоятельства, которые вызывают затруднения. Каждая личность характеризуется индивидуальной комбинацией приемов, позволяющих выйти из затруднения, и эти приемы можно рассматривать как форму адаптации. Реакции человека на непреодолимые препятствия, барьеры, блокирующие его деятельность, носят разнообразный характер. Б. Г. Ананьев отмечал, что сами барьеры в большинстве случаев являются факторами дискоординации социальных связей личности, ломки социального статуса, препятствиями к исполнению социальных ролей, свидетелями социальных и нравственных утрат и т. д.¹ Состояние дезорганизации сознания и деятельности, возникающее тогда, когда вследствие каких-либо препятствий и противодей-

---

¹ См.: Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1997. С. 14—28.

ствий мотив остается неудовлетворенным или его удовлетворение тормозится, называется *фрустрацией*. Чтобы прогнозировать характер фрустраций, нужно наблюдать человека в ситуациях, где блокируются его потребности, намерения, действия. Реакции фрустраций принимают два основных типа — импульсивность и толерантность (устойчивость). Эксперт-психолог анализирует реакции подэкспертного на фрустрацию с помощью экспериментально-психологического метода (тест Розенцвейга), биографического метода и метода наблюдения.

Третий этап формирования антиобщественного поступка, т. е. реализация его, включая совершение поступка и наступление вредных последствий, в настоящее время достаточно полно изучается юридическими дисциплинами. Однако при проведении СПЭ эксперт должен учитывать отношение подэкспертного к поступку, степень осознания содеянного, степень психического стресса, особенности проявлений психологической защиты личности подэкспертного. *Психологическая защита* — это специальная регулятивная система стабилизации личности, направленная на устранение или сведение до минимума чувства тревоги, связанного с осознанием конфликта. Функцией психологической защиты является “ограждение” сферы сознания от негативных, травмирующих личность переживаний. Среди защитных механизмов выделяются такие, как отрицание реальности, фантазии, рационализации, проекции, вытеснение и другие. Могут наблюдаться более сложные формы защитных реакций в симулятивном и диссимулятивном поведении. Механизмы психологической защиты связаны с реорганизацией осознаваемых и неосознаваемых компонентов системы ценностей. Особенности психологической защиты определяются индивидуально-психологическими и возрастными характеристиками.

Например, у обследованной нами потерпевшей вследствие неоднократного группового изнасилования наблюдались типичные для нее формы эмоционального реагирования на экстремальные раздражители: уход в себя, замкнутость, желание разрешить конфликт самостоятельно, без посторонней помощи, умение открыть ситуацию. Такое поведение подэкспертной можно рассматривать как защитную реакцию на стрессовые ситуации с целью смягчения чувства неудачи, устранения тревожности и психических травм. Важным защитным механизмом потерпевшей являлись, с одной стороны, рационализация пережитого, т. е. попытка доказать с целью самоутверждения, что ее поведение является рациональным и оправданным, а потому социально одобряемым, с другой стороны — эмоциональная изоляция, т. е. замыкание в себе и пассивность при защите от нанесенной обиды.

Таким образом, учитывая широту и многоплановость задач, стоящих перед экспертом-психологом, необходимо не одномоментное исследование личности подэкспертного, а изучение

процесса ее развития, анализ многообразия ее проявлений в разных условиях. Ни один из психологических методов не гарантирует получение совершенно достоверных и ценных данных о личности. Важной стороной продуктивного исследования личности является комбинирование данных стандартного и нестандартного исследований, сочетание экспериментальных и неэкспериментальных методов.

IV. ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

§ 1. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний

Данный вид экспертизы назначается работниками следственных или судебных органов в тех случаях, когда возникает вопрос о возможности квалифицировать действия обвиняемого (подсудимого) как совершенные в состоянии сильного душевного волнения (физиологического аффекта), и это состояние предусмотрено законодателем в качестве смягчающего вину обстоятельства по делам об убийствах и причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст.ст. 107, 113 УК РФ).

Насильственные преступления против личности, и в особенности убийства и причинение вреда здоровью, как правило, являются завершающей фазой конфликта, который происходил между преступником и потерпевшим. Развитие конфликтной ситуации между людьми обычно сопровождается возрастающим уровнем эмоционального напряжения для участников конфликта. При этом нередки случаи, когда один или несколько участников конфликта своими действиями провоцируют дальнейшее развитие конфликтной ситуации, и это обстоятельство, преломляясь через индивидуальные особенности личности, способствует возникновению состояния сильного душевного волнения на стадии, предшествующей совершению насильственного преступления. Подобные ситуации расцениваются законодателем как смягчающие вину обстоятельства, а для разрешения вопроса о соответствующей квалификации такого преступления работники правоохранительной системы должны получить заключение эксперта-психолога.

Эмоциональная сфера человека является особым классом психических процессов и состояний, которые отражают непосредственные переживания индивида.

“Целостный акт отражения всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов — знания и отношения, интеллектуального и “аффективного”, из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего”¹.

Высокая степень эмоциональных переживаний специфически воздействует на характер познавательных процессов и на структуру сознания субъекта. Это воздействие приводит к феномену “сужения” сознания, что в свою очередь делает деятельность субъекта односторонней, негибкой. Психологии известен ряд эмоциональных состояний, характеризующихся высоким эмоциональным напряжением. К ним относятся *состояние физиологического аффекта* (сильного душевного волнения), *стресс* (психическая напряженность) и *фрустрация*. Ниже мы последовательно рассмотрим особенности этих состояний.

Особенность *физиологического аффекта* заключается в том, что он воспринимается как необычная, парадоксальная, чуждая личности подследственной форма реагирования. Часто подследственный характеризуется положительно на работе и в быту, имеет положительные социальные установки, высокий самоконтроль поведения. Однако его взаимоотношения с потерпевшим, как правило, отличаются конфликтностью, причем конфликт может возникнуть как непосредственно в ситуации деликта, так и задолго до него. В любом случае возникший конфликт глубоко затрагивает высокозначимые потребности подследственного, угрожает системе его ценностей. Характерно, что сложившаяся ситуация переживается подследственным как безвыходная, неразрешимая. Такое восприятие сложившегося положения может быть вызвано как объективными причинами — реальная угроза со стороны жертвы, дефицит времени для принятия решения и пр., так и субъективными особенностями подследственного, его повышенной ранимостью, чувствительностью, обидчивостью, склонностью к “застреванию” на психотравмирующих моментах, недостаточной гибкостью поведения и пр.

Очень важным является оценка динамики и специфики самого преступления.

Непосредственно момент совершения преступления представляет собой внезапный выплеск накопившегося эмоционального напряжения, неуправляемую аффективную разрядку. Пусковым стимулом аффекта может служить как угрожающее, агрессивное действие потерпевшего на высоте конфликтной ситуации, так и незначительное, внешне безобидное воздействие,

---

¹ См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 264.

играющее роль “последней капли” на фоне продолжительного конфликта.

Подверженности аффекту способствуют предшествующие неблагоприятные условия, воздействующие на обвиняемого — болезненное состояние, бессонница, хроническая усталость, перенапряжение и др.

Момент аффективной разрядки наступает неожиданно, внезапно для самого обвиняемого, помимо его волевого контроля. Происходит частичное сужение сознания — ограничивается поле восприятия, внимание концентрируется целиком на предмете насилия. Вследствие этого орудие преступления может стать первый подходящий предмет, оказавшийся в поле внимания, возможность выбора ограничивается. Сознание переполняется слепой яростью, гневом, обидой, соответственно изменяется внешний вид — искажаются черты лица, изменяется его цвет, расширяются глаза. Обвиняемый слабо реагирует на внешнее воздействие, может не обращать внимания на свои ранения, вид крови. Поведение приобретает черты негибкости, становится упрощенным, утрачиваются сложные моторные навыки, требующие контроля сознания, действия стереотипизируются, доминируют двигательные автоматизмы — в криминалистической картине преступления может присутствовать множественность наносимых ударов и ранений, их однотипность, скученность и явная избыточность. Произвольность, сознательный контроль действий при этом снижаются, но усиливается их энергетика, движения приобретают резкость, стремительность, непрерывность, большую силу.

Длительность подобного состояния может колебаться от нескольких секунд до нескольких минут, после чего наступает резкий и стремительный спад эмоционального возбуждения, нарастает состояние опустошения, крайней усталости, происходит постепенное осознание содеянного, часто сопровождающееся чувством раскаяния, растерянности, жалости к потерпевшему. Нередко обвиняемые сами пытаются помочь жертве, сообщают о случившемся в милицию, реже — в страхе убегают с места происшествия, не пытаясь скрыть следы преступления. В дальнейшем нередко обнаруживается запомывание отдельных эпизодов преступления.

Необходимо различать физиологический и патологический аффект. В отличие от физиологического, патологический аффект рассматривается как острое кратковременное психическое расстройство, возникающее внезапно и характеризующееся следующими особенностями: глубоким помрачением сознания,

бурным двигательным возбуждением, полной (или почти полной) амнезией своих действий.

Действия в состоянии патологического аффекта отличаются большой разрушительной силой, а в постаффективной стадии наблюдается глубокий сон. Патологический аффект — это болезненное состояние психики, и поэтому экспертная его оценка должна осуществляться врачом-психиатром.

В ряде случаев, если у обвиняемого обнаруживаются признаки умственной отсталости, психопатические черты, есть данные о перенесенных им черепно-мозговых травмах, неврологических нарушениях, не связанных с психическим заболеванием, является эффективным проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы, на разрешение которой ставятся вопросы, относящиеся к компетенции обоих видов экспертиз.

Сложным является вопрос о диагностике физиологического аффекта в состоянии алкогольного опьянения. Факт употребления обвиняемым алкоголя до совершения преступления не освобождает экспертов от необходимости тщательно исследовать его индивидуально-психологические особенности, анализировать развитие ситуации деликта, другие обстоятельства дела, чтобы в каждом конкретном случае решать вопрос о наличии или отсутствии аффекта.

Квалификационная оценка эмоциональных состояний подследственного зависит не только от опыта психолога, но и в значительной степени от объема информации о личности и поведении субъекта преступления. К сожалению, в процессе допросов и других следственных действий следователи редко фиксируют свое внимание на особенностях самочувствия, настроения подследственного перед случившимся. Очень важен также опрос свидетелей о том, как выглядел подследственный перед и в момент деликта, какие особенности в его поведении наблюдались после случившегося.

В процессе допроса свидетелей или потерпевших целесообразно задать им следующие вопросы:

1. Как выглядел подследственный в момент деликта:
  - какой был цвет его лица;
  - как выглядели его глаза (бегающие зрачки, сужение или расширение зрачков);
  - наблюдался ли тремор в руках или в других частях тела;
  - каковы были особенности интонации его голоса.
2. Как выглядел подследственный и каковы были особенности его поведения после случившегося:
  - плакал;

сидел неподвижно;
пытался оказать помощь жертве;
адекватно ли отвечал на вопросы;
какой был темп его речи (ускоренный, замедленный, нормальный);
каково было содержание его высказываний и пр.

3. Каковы особенности взаимоотношений между подэкспертным и жертвой?

4. Каковы особенности личности и поведения подследственного?

5. Каковы личностные особенности жертвы?

В процессе допроса подследственного, особенно на первых этапах следственных действий, следователю необходимо выяснить:

его соматическое состояние накануне деликта (наличие соматических, нервных и других заболеваний, хронической усталости, бессонницы и пр.);

особенности его личности (темперамент, характер, особенности взаимоотношений с окружающими, в семье и пр.);

особенности и динамику взаимоотношений с жертвой (что послужило источником конфликта, были ли раньше конфликты, если были, то как они разрешались, есть ли общие знакомые с жертвой, общие интересы и пр.).

В материалах уголовного дела обязательно должны быть характеристики на подследственного, причем не только бытовые и производственные, но и характеристики свидетелей. При опросе свидетелей рекомендуется задать такие, например, вопросы: “Является ли для вас неожиданным поступок подследственного?”, “Соответствуют ли особенностям личности подследственного его поступки?”. Ответы на эти вопросы имеют высокую информативную значимость для эксперта-психолога. По данным ряда психологов и нашим данным, лица, совершившие преступления в состоянии физиологического аффекта, отличаются повышенной заторможенностью, уравновешенностью, отсутствием агрессивности и выраженной аффективности. Содержательная сторона их деяний не согласуется их с личностными характеристиками.

Типовые вопросы, выносимые следователем в постановлении о назначении судебно-психологической экспертизы эмоциональных состояний:

1. Каковы индивидуально-психологические особенности подследственного?

2. Каковы особенности межличностных отношений жертвы и подследственного? (Социально-психологическая характери-

стика динамики их межличностных взаимоотношений, их конфликта, анализ способов разрешения конфликтных ситуаций и пр.)

3. Как выявленные личностные характеристики могли повлиять на особенности поведения подследственного в исследуемой ситуации?

4. В каком психическом состоянии находился подследственный в момент совершения деликта?

5. Находился ли подследственный в состоянии физиологического аффекта или ином эмоциональном состоянии, оказавшем существенное влияние на его поведение?

Вопрос об ином эмоциональном состоянии уместен, исходя из того, что подследственный в момент совершения преступления мог находиться в таком психическом состоянии, которое по своему дезорганизирующему влиянию на поведение не достигло глубины физиологического аффекта, но оказало негативное влияние на сознательное регулирование его поведения. Такими эмоциональными состояниями, оказывающими дезорганизирующее влияние на поведение человека в ситуации конфликта, могут быть *стресс* и *фрустрация*. Эти эмоциональные состояния диагностируются психологом и могут интерпретироваться юристом как состояния сильного душевного волнения и рассматриваться в качестве смягчающих вину обстоятельств.

В психологии стресс понимается как состояние психического напряжения, возникающее у человека в процессе деятельности в наиболее сложных условиях как в повседневной жизни, так и при особых экстремальных состояниях. Стресс может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на деятельность человека, включая даже полную ее дезорганизацию. Объективными признаками, по которым можно судить о стрессе, являются его физиологические проявления (повышение кровяного давления, изменение сердечно-сосудистой деятельности, мускульное напряжение, изменение ритма дыхания и пр.) и психологические (переживание тревоги, раздражительность, ощущение беспокойства, усталость и пр.). Но главным признаком стресса является изменение функционального уровня деятельности, что проявляется в ее напряжении. В результате человек может мобилизовать свои силы или наоборот, функциональный уровень понижается, и это может способствовать дезорганизации деятельности в целом. Различают физиологический и психологический стресс. *Физиологический стресс* вызывается непосредственным действием неблагоприятного стимула на организм. Например, мы погружаем руку в ледяную воду и у нас возникают стереотипные реакции (мы выдергиваем руку из во-

ды). *Психологический стресс* как более сложное интегративное состояние требует обязательного анализа значимости ситуации с включением интеллектуальных процессов и личностных особенностей индивида. Если при физиологическом стрессе реакции индивида стереотипны, то при психологическом — индивидуальны и не всегда предсказуемы. Психологический стресс может возникать не в силу объективных характеристик ситуации, а в связи с субъективными особенностями восприятия ее человеком. Поэтому невозможно выделить универсальные психологические стрессоры и универсальные ситуации, вызывающие психологический стресс в равной мере у всех людей. Например, даже очень слабый раздражитель в определенных условиях может играть роль психологического стрессора или один, даже очень сильный раздражитель, не может вызвать стресс у всех без исключения людей, подвергшихся его воздействию. Эти факторы весьма важны при оценке эмоционального состояния человека, особенно в судебно-следственной практике.

Например, Г., 58-ми лет, выйдя из собственной квартиры, нанес ножевой удар молодому человеку из компании, которая ежедневно в течение всех летних месяцев поздно вечером собиралась под окнами квартиры Г., громко разговаривала, смеялась, пела песни и пр. Несмотря на неоднократные предупреждения жильцов дома, компания продолжала ночные посиделки и мешала отдыхать окружающим.

В последние месяцы Г. страдал бессонницей, что было обусловлено напряженной работой (перед пенсией), мелкими семейными неурядицами, общим невротическим состоянием в связи с климактерическим возрастом. В тот вечер у Г. было плохое самочувствие, хотелось выспаться, отдохнуть, а в это время начались привычные возгласы с улицы, заиграла гитара, раздался смех. Г., схватив нож, которым жена резала картошку, выскочил на улицу. В это время навстречу из кустов вышел молодой человек (кстати, из этой компании). Г. нанес ему удар ножом в руку (потерпевший, увидев человека с ножом, пытался обороняться, отмахиваться рукой). После чего Г. пришел домой и попросил жену вызвать скорую помощь и милицию. После судебно-психиатрической экспертизы, которая признала Г. вменяемым, была проведена судебно-психологическая экспертиза.

Подэкспертный в контакт с экспертами вступал легко, охотно отвечал на поставленные вопросы, в том числе относящиеся к материалам уголовного дела. Анализ индивидуально-типологических особенностей Г. выявил достаточную силу со стороны нервных процессов, но некоторую заторможенность, т. е. преобладание тормозных процессов над возбуждающими. Г. отличался умеренной общительностью, конформностью, была выявлена высокая фрустрационная напряженность, тревожность. В бытовых и производственных характеристиках отмечалось, что подэкспертный уравновешенный, спокойный человек, отличается дисциплинированностью, трудолюбием, стойкими моральными принципами. Подэкспертный проявлял склонность избегать конфликтные ситуации. За две недели до инкриминируемых деяний перенес соматическое заболевание, наблюдались неприятности на работе в связи с малень-

кой зарплатой и сменой начальства. Подэкспертный отличался импунитивным типом реагирования на конфликт (уход в себя с целью смягчения эмоционального напряжения). Подэкспертный достаточно подробно описывал случившееся. Амнезии, аффективной суженности сознания в исследуемой ситуации у подэкспертного не прослеживалось. Однако в момент деликта отмечались выраженные эмоциональные переживания гнева, обиды, глубокого недовольства. В протоколах допросов и в процессе экспертизы Г. описывал, в какой позе находилась жертва, помнил, куда попал нож, утверждал, что после этого сразу убежал вызывать скорую помощь. Анализ динамики психического состояния подэкспертного в момент деликта не выявил у него состояния физиологического аффекта.

Судебно-психологическая экспертиза не ограничивается простой констатацией факта — был аффект или не был. Перед экспертом стоит задача установления причинных связей эмоциональных реакций подэкспертного. Описание психологических закономерностей возникновения эмоциональных реакций у подэкспертного помогает суду и следствию осветить важные аспекты, отражающие юридическое понятие “внезапно возникшее сильное душевное волнение”.

Особая сложность при решении этой задачи возникает в случае кумулятивных аффективных реакций, что наглядно представлено в описанном выше случае с Г. Непосредственная, разрешающая причина аффективных реакций у Г. носила лишь провоцирующий характер, а подлинной психологической причиной его поступка являлась вся конфликтная ситуация в целом. Аффективный взрыв у Г. последовал сразу за разрешающим поводом, а именно, появлением шумной компании под окнами в полночь, но рассматривать его изолированно от предшествующих психотравмирующих факторов, которые имели место у подэкспертного, нецелесообразно. Психологический анализ показал, что Г. в течение длительного времени находился в стрессовом состоянии, что было обусловлено множеством причин: неприятности на работе на фоне хронической загруженности и напряженности трудового процесса, перенесенное незадолго до деликта соматическое заболевание, что способствовало развитию астенического синдрома, климактерический возраст подэкспертного. “Последней каплей” в формировании аффективного напряжения стали хронические бессонницы в связи с постоянным шумом под окнами. Анализируя внутреннюю картину деликта, т. е. субъективную значимость аффектогенного повода для подэкспертного, психолог ни в коем случае не должен смешивать ее с правовым понятием. Оценка объективной стороны содеянного — прерогатива юриста.

Важным является также разграничение физиологического аффекта от такого эмоционального состояния, как фрустрация.

Фрустрация, как уже отмечалось, это психическое состояние дезорганизации сознания и деятельности человека, вызванное объективно непреодолимыми препятствиями. Несмотря на многообразие фрустрирующих ситуаций, они характеризуются двумя обязательными условиями: наличием актуально значимой потребности и наличием препятствий для ее удовлетворения. Необходимым признаком фрустрации является сильная мотивированность личности к достижению цели, удовлетворению значимой потребности и наличие преграды, препятствующей достижению этой цели.

Поведение человека в период фрустрации может выражаться в двигательном беспокойстве, апатии, агрессии и деструкции, в регрессии (обращении к моделям поведения более раннего периода жизни).

Необходимо отличать псевдофрустрационное поведение человека от истинного фрустрационного поведения. Для фрустрационного поведения характерно нарушение мотивированности и целесообразности, при псевдофрустрационном поведении сохраняется одна из перечисленных выше характеристик.

Например, человек находится в состоянии ярости из-за невозможности достичь какой-либо цели. Несмотря на ярость и агрессивность такого человека, его поведение целесообразно.

Двое молодых людей подошли к незнакомому человеку с целью ограбления и попросили его дать прикурить. Незнакомец грубо отказал в просьбе, и они стали его избивать, затем взяли кошелек и убежали. Один из них, первым нанесший удар пострадавшему, утверждал, что тот оскорбил его, и он был в слепой ярости. Однако поведение этого молодого человека нельзя рассматривать как фрустрационное, так как он имел определенную цель — ограбить пострадавшего.

Такое псевдофрустрационное поведение характеризуется частичной утратой контроля со стороны воли человека, но оно целесообразно, мотивировано и сохраняет контроль со стороны сознания.

Фрустрационное поведение — это то поведение, которое не контролируется ни волей, ни сознанием человека, оно дезорганизовано и не имеет содержательно-смысловой связи с мотивом ситуации. При таком поведении свобода сознания и волеизъявления ограничена. В связи с этим фрустрацию можно выделить как особое состояние, которое может рассматриваться юристами как смягчающий фактор при наличии которого человек не должен нести полную ответственность за совершенное в таком состоянии деяние.

Например, из постановления известно, что подэкспертная Б., 26-ти лет, находясь в неприязненных отношениях со своим отцом Д., нанесла ему удар

ножом в левую половину грудной клетки, от чего потерпевший скончался на месте. По заключению судебно-психиатрической экспертизы подэкспертная признана вменяемой. Эксперты-психиатры рекомендовали провести судебно-психологическую экспертизу на предмет физиологического аффекта. На разрешение экспертов были поставлены три вопроса: каковы индивидуально-психологические особенности подследственной Б.; как они могли повлиять на ее поведение в исследуемой ситуации; возможно ли считать действия Б. как результат физиологического аффекта.

В процессе экспертизы выявлено, что Б., второй ребенок в семье, сестра на 13 лет старше ее. Подэкспертная характеризовала свое детство как безрадостное — из-за систематических пьянок отца. Старшая сестра также пьет, в связи с чем отношения с сестрой негативные. Подэкспертная закончила 8 классов, затем ПТУ, свою специальность (радиосборщица) любит. Имеет двоих детей. В материалах дела указывается на наличие длительных конфликтов в семье подэкспертной в связи с систематическим пьянством ее отца, его агрессивным и циничным поведением по отношению к ней. Основной жизненной потребностью для подэкспертной была ее семья (муж, которого она очень любила, и дети). Все это имело высокую личностную значимость для подэкспертной. Но хроническая психотравмирующая ситуация в доме отца в значительной степени препятствовала осуществлению этой значимой потребности.

Анализ индивидуально-типологических и личностных особенностей, проведенный с помощью экспериментально-психологического обследования и изучения материалов уголовного дела показал, что подэкспертная относится к сильному, подвижному, но неуравновешенному типу высшей нервной деятельности, с преобладанием возбудительных процессов над тормозными. Уровень интеллектуального развития соответствует возрасту и полученному образованию. Наблюдается снижение умственной работоспособности, что проявляется в снижении слухоречевой памяти, в повышенной утомляемости, лабильности. Это соответствует соматическому (беременность) и психическому состоянию Б. В структуре личности выявлена эмоциональная неустойчивость, что проявляется в недостаточном самоконтроле поведения, в склонности к импульсивным реакциям. Наблюдается самостоятельность, ответственность, доверчивость, настойчивость в достижении поставленной цели, в ситуации конфликта склонна к внешнеобвинительным реакциям с повышенной фиксацией на имеющихся препятствиях. Анализ данных показал стойкую тенденцию подэкспертной к снятию эмоционального напряжения через повышенную раздражительность, недостаточную саморегуляцию и слабую способность к поиску адекватных способов выхода из конфликта.

Накануне деликта подэкспертная вернулась домой от свекрови, где временно находился ее старший сын. В доме отца была ее старшая сестра, с которой отец выпивал на кухне. Подэкспертная, не обращая внимания на родственников, покормила ребенка и уложила его спать, затем взяла собаку, которая принадлежала ей, и вышла с ней на улицу. Когда на улице появились сестра с отцом, собака стала громко лаять и прыгать на сестру. Отец стал кричать на подэкспертную, махать руками, грозить, что “задушит псину”, при этом стал вырывать поводок у подэкспертной, отталкивать ее. Сестра также ругалась на Б. Подэкспертная ушла в дом, пила чай на кухне, а отец продолжал громко ругаться в своей комнате. Подэкспертная взяла нож, чтобы намазать булку маслом. До нее доносился громкий крик отца, он обзывал ее, говорил, что родит

урода. Подэкспертная с ножом пошла в его комнату, чтобы напомнить о спящем ребенке. Увидев дочь с ножом, стал кричать еще громче, оттолкнул подэкспертную к двери. Подэкспертная нанесла ему удар ножом, после чего ушла в спальню к плачущему ребенку. Успокоила его, сказала матери, чтобы она вызывала скорую помощь и милицию.

Проведенный анализ показал, что в момент деликта подэкспертная находилась в состоянии высокого нервно-психического напряжения, однако ограничения восприятия, нарушения контроля над ситуацией у подэкспертной не наблюдалось. Она утверждала: “Почувствовала, как вошел нож, ощущение неприятное. Наблюдалось также отсутствие стереотипности действий, нарушения их произвольности. Подэкспертная сама вынула нож из тела отца, услышала, что плачет ребенок, ушла в комнату успокоить его, после этого посоветовала матери вызвать скорую помощь и милицию, вымыла нож и положила его на место. В постаффективной стадии глубокой психической астении не наблюдалось. Подэкспертная ушла к соседке ждать приезда милиции, покурила с ней, затем, услышав, что плачет ребенок, ушла к нему. Эксперты пришли к выводу, что эмоциональные реакции подэкспертной не достигли глубины физиологического аффекта. Однако сами действия Б. отличались внезапностью и импульсивностью. В постаффективной стадии наблюдалось отсутствие интеллектуальной и физической истощенности. На особенности поведения Б. в исследуемой ситуации повлияло имеющееся у нее высокое аффективное напряжение в связи с хронической конфликтной ситуацией в семье, а также низкий уровень ее психической адаптации вследствие общей эмоциональной неустойчивости, которая в последние месяцы еще усугубилась беременностью. Высокая нервно-психическая напряженность (фрустрация) способствовала дезорганизации поведения подэкспертной в исследуемой ситуации, существенно ограничивала свободу воли.

Исследования лиц, совершивших преступления в состоянии фрустрации, выявили у них основные личностные и поведенческие характеристики, предрасполагающие их к преступлению. Это глубокая эмоциональная вовлеченность в ситуацию, тенденция оценивать свои потребности как высокозначимые, недостаточная адекватность поведения. Повышенная эмоциональная вовлеченность в ситуацию проявляется у них в эмоциональном отклике на любые, даже несущественные стимулы.

Фрустрация проявляется не только в агрессивных формах поведения. В некоторых случаях наблюдается “уход в себя” (эмоциональное замыкание) с целью ослабления эмоционального дискомфорта. Иногда наблюдаются регрессивные формы поведения.

На специфику поведенческих реакций существенное влияние оказывают личностные характеристики, особенно степень эмоциональной устойчивости. Эмоциональная неустойчивость является существенным предрасполагающим к фрустрации фактором, она проявляется у субъекта в повышенной чувствительности и эмоциональной раздражительности, в повышенной воз-

будимости, в недостатке самоконтроля и тревожной самооценке.

Тенденция оценивать индивидуальные потребности высокозначимыми у фрустрированной личности обусловлена как внешними, так и внутренними факторами. Внешними факторами являются препятствия к достижению поставленной цели. Внутренний фактор определяется интеллектуальными и личностными характеристиками подследственных. Исследования показали, что такие личности характеризуются неадекватной самооценкой, низким уровнем психической адаптации, эгоцентризмом, ригидностью, слабыми коммуникативными качествами. Причем, если при физиологическом аффекте и стрессовом состоянии определяющую роль в развитии динамики этих состояний играет внешний фактор, например, испуг, угроза и пр., то при фрустрации — внутренний фактор, т. е. личностная структура объекта. Состояние фрустрации может способствовать возникновению сильного душевного волнения, и его можно рассматривать как смягчающее вину обстоятельство.

§ 2. Судебно-психологическая экспертиза потерпевших по делам о сексуальных преступлениях

Объектом данного вида СПЭ могут быть лица женского и мужского пола, пострадавшие от сексуального насилия. На практике этот вид экспертизы проводится, как правило, в отношении малолетних и несовершеннолетних потерпевших — жертв половых преступлений.

Одним из квалифицирующих признаков изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) является использование виновным беспомощного состояния жертвы. Беспомощное состояние — это невозможность жертвы преступления понимать характер и значение совершаемых с нею действий или невозможность оказывать сопротивление виновному из-за своего физического или психического состояния: малолетнего возраста, физических недостатков, расстройств душевной деятельности или иного болезненного или бессознательного состояния и т. п.¹

В компетенцию психологической экспертизы входит оценка способности *психически здоровой* потерпевшей (потерпевшего) понимать характер и значение преступных действий виновного и оценка способности оказывать ему сопротивление в зависимости от уровня психического развития потерпевшей, в частно-

---

¹ См.: Комментарий к УК РФ / Под ред. В. И. Радченко. М., 1996. С. 207.

сти, уровня интеллектуальных способностей, от ее индивидуально-психологических особенностей и психического состояния в момент деликта.

Основаниями для назначения данной экспертизы могут быть малолетний возраст (до 14 лет) или несовершеннолетие (14—18 лет) потерпевшей, сведения о ее “неправильном” или провоцирующем поведении, непоследовательность и противоречивость ее показаний, сведения о пассивном и неоднозначном поведении потерпевшей в отсутствие явного насилия и угроз со стороны виновного и т. п. Поскольку следователь не является специалистом по оценке психического здоровья, а области компетенции психологической и психиатрической экспертиз нередко перекрывают и дополняют друг друга, то при сомнениях относительно психической полноценности потерпевшей (учет в ПНД, признаки умственной отсталости, сведения о перенесенных черепно-мозговых травмах, нейроинфекциях, употреблении алкогольных напитков, наркотиков и т. п.) следует назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу.

На разрешение судебно-психологической экспертизы рекомендуется ставить следующие вопросы.

1. Каковы основные индивидуально-психологические особенности потерпевшей и как они проявились при совершении в отношении нее противоправных действий?

2. Учитывая возрастные особенности и уровень интеллектуального развития, могла ли она понимать характер и значение совершаемых с нею действий?

3. В каком психическом состоянии находилась потерпевшая во время совершения в отношении нее противоправных действий, какова его динамика, и могла ли она оказывать сопротивление?

Способность понимать характер и значение совершаемых действий означает достижение потерпевшей такого уровня психического развития, который позволяет ей на основе своих знаний, опыта своевременно и правильно раскрыть истинные намерения преступника, оценить криминальность ситуации, понять нравственно-этическую сущность происходящего и его возможных последствий.

Исследователи разделяют категории: понимание характера и понимание значения. Понимание характера действий виновного подразумевает “правильное отражение их содержательной стороны, основанное на информированности потерпевшей в вопросах пола: в существовании сексуальных отношений между полами, принятых формах их проявлений, в одобряемом общественной моралью времени начала половой жизни, в физиологии половых

отношений, зачатия, деторождения, функциональных особенностей мужчины и женщины и др.”¹. Иными словами, это осведомленность в вопросах сексуальных отношений между мужчинами и женщинами и умение выделить, узнать в поведении человека противоположного пола сексуально окрашенные элементы.

Понимание значения действий виновного подразумевает способность улавливать внутреннее содержание ситуации, что означает умение разгадать истинные намерения виновного, соотнести их со своими намерениями, применительно к своей личности, а также способность дать перспективную оценку развития ситуации, ее возможных последствий, способность оценить поведение виновного, свое поведение и ситуацию в целом с точки зрения морально-нравственных и правовых норм.

Способность понимать характер и значение происходящего предполагает достаточную сформированность высших психических образований личности — самосознания, иерархии нормативно-ценностной структуры, способности к эмпатии, развитых критических и прогностических способностей, коммуникативных навыков, правового и нравственного сознания и др. Уровень развития этих структур зависит от интеллектуальных способностей, особенностей темперамента, черт характера ребенка. Решающее значение оказывают условия и стиль семейного воспитания: неблагоприятная семейная обстановка, эмоциональное отвержение со стороны родителей и особенно матери, жесткое воспитание с угрозами в случае “потери невинности” препятствуют гармоничному развитию личности, усвоению морально-этических принципов, адекватному поведению в криминальной ситуации. Экспериментально-психологическое исследование, направленное на исследование вышеперечисленных свойств личности, позволяет выявить потенциальную способность потерпевшей понимать характер и значение совершаемых в отношении нее противоправных действий.

В зависимости от уровня психического развития, тех или иных его особенностей возможно:

непонимание потерпевшей ни характера, ни значения действий виновного;

понимание характера, но непонимание значения действий;

понимание и характера, и значения действий виновного.

---

¹ См.: Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. С. 182.

Первые два вывода означают и неспособность потерпевшей оказывать сопротивление, в последнем случае вопрос о способности сопротивляться требует специального изучения.

Одной из важных составляющих, определяющих поведение потерпевшей в криминальной ситуации, является уровень ее психосексуального развития.

Возраст до 7 лет соответствует первому этапу психосексуального развития. В это время происходит формирование полового самосознания — в первую очередь складывается правильное представление о своей половой принадлежности, к 3—4 годам дети могут дифференцировать окружающих по внешним половым признакам (одежде, внешнему виду, строению тела и половых органов, тембру голоса и др.). Затем появляется любопытство, направленное на половые органы, на поведение животных и людей с констатацией элементов сексуального взаимодействия, они спрашивают у взрослых о строении тела, деторождении, супружестве, играют в игры, имитирующие сексуальное взаимодействие — “в семью”, “в доктора”, нередко подобные игры сопровождаются раздеванием, демонстрацией и разглядыванием половых органов. Криминальную ситуацию в этом возрасте дети могут оценивать как игру или наказание. Будучи потерпевшими, они способны воспринимать лишь внешнюю, формальную сторону событий и не понимают ни характера, ни значения совершаемых с ними действий¹.

Возрастной период 7—13 лет соответствует второму этапу психосексуального развития, стержневой характеристикой которого является формирование стереотипа полоролевого поведения ребенка на основе его психофизиологических особенностей и стереотипов мужественности и женственности, господствующих в микросоциальном окружении. В это время около половины детей получают информацию о половом акте, не менее трети принимают участие в сексуальных играх с детьми противоположного пола, наблюдается разделение и группирование детей по половому признаку, таким образом вырабатывается, дифференцируется и усваивается мужской и женский половой стереотип.

В зависимости от степени сформированности полоролевого поведения потерпевшей можно сделать вывод о ее способности понимать характер и значение совершаемых с ней действий. Не-

---

¹ См.: Догадина М. А., Смирнова Т. А., Ткаченко А. А. Некоторые особенности судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних потерпевших — жертв сексуального насилия // Социальная и судебная психиатрия: история и современность: Сб. статей / Под ред. Т. Б. Дмитриевой. М., 1996. С. 356—358.

завершенность формирования второго этапа приводит к выводу о способности такой потерпевшей понимать только характер, фактическую их сторону, понимание значения действий виновного для нее недоступно.

Третий этап психосексуального развития характеризуется формированием психосексуальной ориентации и сопровождается последовательной сменой стадий платонического, эротического и сексуального полового влечения.

Сформированность первых двух этапов психосексуального развития потерпевшей и переход на третий этап чаще всего свидетельствуют о ее потенциальной способности понимать и характер, и значение совершаемых с нею действий.

Важным этапом экспертного исследования является анализ ситуации совершения преступления. В зависимости от внезапности развития, сложности ситуации, новизны условий, личности виновного оказывается и возможность потерпевшей осознать угрожающий характер ситуации, и способность противостоять действиям виновного. Анализ ситуации деликта требует соотнесения поведения потерпевшей с ее характерологическими особенностями. Если она в достаточной мере была способна к пониманию характера и значения совершаемых с нею действий, встает вопрос о способности оказывать сопротивление, что во многом зависит от индивидуально-психологических свойств потерпевшей, типа и черт характера, особенностей эмоционального реагирования. Исследователи выделяют две группы, в зависимости от характерологических особенностей, наиболее часто встречающиеся среди потерпевших¹.

Первая группа характеризуется особенностями тормозимого круга, в нее входят потерпевшие с чертами астенического, психастенического, сензитивного типов характера. Им свойственны такие общие черты характера, как боязливость, пугливость, подчиняемость, доверчивость, несамостоятельность, эмоциональная неустойчивость, внушаемость, низкая стрессоустойчивость, легкость эмоциональной дезорганизации мыслительной деятельности. В ситуации деликта для них характерно пассивное подчинение воле насильника, выполнение его требований, состояние страха и растерянности, лишающее их способности к активному сопротивлению, адекватному выбору верного поведения. При этом часто не сами агрессивные действия виновных, а только угрозы избиением, физической расправой парализуют волю таких потерпевших, они воспринимают их как весьма реальные. Отчасти это объясняется тем, что потерпевшим данной

---

¹ См.: Кудрявцев И. А. Указ. соч. С. 187.

группы свойственна позитивная социальная направленность, они положительно характеризуются в школе и ранее не имели случаев избиения, не испытывали физической боли от побоев.

Например, Лена Т., 14 лет, вечером гуляла с подругой по поселку, познакомилась с тремя военнослужащими, которые завели ее в лес и изнасиловали в извращенной форме. Девочка вернулась домой, легла спать, ничего не рассказала родителям о случившемся. На следующий день Лена поделилась о происшедшем с подругой, которая рассказала об этом своим родителям. В ходе проведения следствия была назначена психологическая экспертиза. При этом был выявлен низкий уровень психической адаптации девочки, что проявлялось в выраженной напряженности, тревожности, подчиняемости, низком самоконтроле поведения, конформности, повышенной внушаемости. На этапах следствия девочка замыкалась, обвиняла себя в случившемся, стремясь уклониться от описания важных для дела обстоятельств.

Вторую группу составляют потерпевшие с чертами возбудимого, истероидного, неустойчивого типов характера. Их общими чертами являются возбудимость, впечатлительность, расторможенность, слабый волевой контроль поведения. Нередко им свойственны асоциальность, педагогическая запущенность, искаженное представление о морально-этических нормах, раннее приобщение к курению, употреблению алкогольных напитков, наркотиков, раннее начало половой жизни. Эти потерпевшие иногда оказываются вовлеченными в преступление из-за их провоцирующего поведения, самонадеянности, переоценки собственных возможностей, под влиянием импульсивных побуждений. Слабость сформированности волевого контроля поведения, прогностических способностей не позволяет им своевременно осознать подлинную опасность ситуации и предпринять необходимые меры, а когда положение становится критическим, воля таких потерпевших, способность сопротивляться оказываются сломленными активными и грубыми действиями виновного.

Для решения вопросов по данному виду психологической экспертизы от следствия требуется тщательный сбор материалов, отражающих поведение потерпевшей и виновного на всем протяжении деликта. При отсутствии прямых свидетелей преступления, что нередко встречается в такого рода делах, необходимо собрать максимум информации о поведении потерпевшей до преступления и после него, о состоянии потерпевшей, ее внешнем виде, высказываниях непосредственно после деликта, при проведении первоначальных следственных действий, медицинского освидетельствования. Важно при этом помнить о дополнительном травмирующем воздействии этих процедур на психику потерпевшей и при необходимости прибегать к консультативной помощи психолога или специалиста антикризис-

ной службы. При назначении экспертизы предпочтительно пригласить психолога женщину.

§ 3. Экспертиза социально-психологических особенностей членов преступной группы

Данный вид экспертизы, как правило, назначается в период предварительного следствия в случаях, когда преступление совершено неформальной группой асоциальной и криминальной направленности. Перед следствием возникает вопрос о групповых ролях обвиняемых.

Структура преступной группы строго организована. Возглавляет группу лидер, в функции которого входит организация и руководство преступлением. В группе можно выделить активных членов, это, как правило, авторитеты, лица, пользующиеся уважением у лидера и других членов преступной группы и нередко имеющие уже некоторый криминальный опыт. Третья категория — это участники группы (рядовые исполнители преступления). В преступной группе может существовать также оппозиционер, который находится в скрытой конкуренции с лидером или в оппозиции. Психологическая структура группы в значительной степени определяет индивидуальное поведение ее членов.

При анализе преступной группы необходимо учитывать следующие факторы.

1. Причины объединения в данную группу или цель группового взаимодействия. Эти причины многообразны и зависят как от внешних факторов, например, невозможность совершить преступление без объединения, так и от внутренних — личная симпатия и психологическая зависимость.

2. Особенности внутриличностного взаимодействия: специфика личностных контактов в группе, специфику конфликтов, ролевые функции членов группы.

Преступные группы делятся на три категории в зависимости от жесткости функциональной структуры и специфики межличностных отношений.

Случайная преступная группа. Ее отличительным признаком является нестабильность личного состава, отсутствие четкой цели и предмета преступной деятельности. Это в значительной степени затрудняет следственный процесс, и психологическое исследование ее членов дает нужную информацию о мотивах и специфике их поведения.

Например, группа подростков из трех человек подозревалась в совершении изнасилования малолетнего умственно отсталого мальчика. В процессе следст-

вия двое подростков (Андрей и Валентин) утверждали, что Антон организовал это преступление и научил их гомосексуальным действиям.

В структуре личности Андрея четко прослеживалась акцентуация характера по гипертимному типу. Это проявлялось в повышенном уровне активности, в завышенной самооценке, подвижности, решительности. В его поведении четко обнаруживались лидерские позиции. Мать в беседе с психологами подчеркивала, что сын всегда был “активным, не любил подчиняться, еще с детского сада любил руководить ребятами”.

В структуре личности Валентина наблюдалась выраженная неустойчивость, что проявлялось в двигательной активности, непоседливости, в слабой способности к целенаправленной деятельности. Подросток не желал учиться, делал все возможное, чтобы избежать даже минимальных нагрузок. На момент следствия юноша нигде не работал и не учился. Основным занятием его были бесцельные прогулки с друзьями, употребление алкоголя и транквилизаторов.

Антон отличался повышенной конформностью (акцентуация характера по конформному типу). У него отмечались повышенная зависимость от социального окружения, заниженная самооценка, низкий уровень самоуважения. Мать подследственного утверждала: “Сын мой без хребта... куда подует ветер, туда его и тянет, особенно на все плохое”. Склонность к зависимому положению отмечалась также и в характеристиках подростка, представленных в материалах уголовного дела.

Анализ динамики показаний Антона на этапах следствия выявил их трансформацию. На первом допросе подследственный категорически отказывался от причастности к изнасилованию, однако утверждал, что неоднократно вступал с Андреем и Валентином в гомосексуальные контакты по их настоятельной просьбе. На втором допросе подросток рассказал, что уговорил жертву прийти к нему в гости, сам предложил ребятам совершить половой акт с жертвой, при этом держал мальчика, чтобы тот не сопротивлялся. На последующих допросах давал показания, что сам изнасиловал мальчика, а ребята к этому преступлению не причастны.

Подследственные Андрей и Валентин в процессе допросов указывали на Антона как на активного участника и организатора преступления.

Жертва — умственно отсталый мальчик 8 лет, из семьи алкоголиков, утверждал, что с ним совершили половой акт Андрей и Валентин, а также двое других подростков, имен которых он не помнит, что это происходило в подвале дома. Мальчик не отрицал, что был в гостях у Антона и туда приходили Андрей и Валентин, но утверждал, что в тот день с ним ничего такого не делали.

Следователь внимательно изучил характеристики подследственных, пригласил жертву и подозреваемых для дачи показаний на месте происшествия. Допрос начал с Антона. Следователь обратил внимание на то, что подросток смущался, проявлял волнение, особенно при ответах на конкретные вопросы. В конце допроса он признался, что ничего такого не делал, что он все выдумал, так как его об этом просили друзья.

Компания в отличие от случайной группы более организована, более стабилизирован ее личный состав, более выражена антиобщественная установка, преступная деятельность занимает в этой группе ведущую роль. Но в компании еще нет четких

планов деятельности, не сложилась психологическая и функциональная структура, отсутствует руководящее звено. Социально-психологическая структура компании отличается тем, что важное значение имеют сложившиеся эмоциональные связи, чувства привязанности ее членов. Психологический анализ специфики эмоциональных контактов членов этой компании поможет следствию разобраться в мотивационной линии поведения ее членов, определить роль каждого члена группы в преступном деянии.

Например, Володя К., 14-ти лет, вместе со своей приятельницей Еленой З., 15-ти лет, убил воего брата Олега К., 9-ти лет, труп которого был обнаружен через месяц в воде котлована недалеко от дома, где проживали подростки. Через несколько недель после похорон мальчика соучастница в убийстве Елена З. рассказала в доверительной беседе инспектору детской комнаты милиции о содеянном.

На предварительном следствии Володя К. признался в содеянном. В начале следствия следователь для уточнения личностных характеристик подследственных пригласила эксперта-психолога. Перед экспертом были поставлены вопросы об уровне интеллектуальной и личностной зрелости подследственных, их индивидуально-психологических и характерологических особенностях, об их способности осознавать значение совершаемых ими действий, предвидеть результаты, оценивать свое поведение правильно.

В процессе специально-психологического анализа было выявлено, что подследственные отличались повышенной чувствительностью к оценкам окружающих, и четко прослеживалась принадлежность их к референтной группе. Эксперт-психолог в беседе со следователем высказала предположение о групповой мотивации преступления. Дальнейшее расследование подтвердило высказанные психологом предположения. Елена З. и Володя К. были активными членами дворовой компании. Брат Володи К. страдал олигофренией в степени дебильности, нигде не учился, бродяжничал, воровал и пр. В связи с этим в семье была напряженная обстановка, мать избивала брата, неоднократно приходилось обращаться в милицию. У Володи созрела идея убить брата, он поделился ею со своей подружкой Еленой З., а затем с членами компании, которые поддержали Володю. Накануне деликта преступники собрались на квартире у одного из членов группы, обсудили план операции, выпили за успех дела, а после совершения преступления преступники вместе с другими членами группы сожгли одежду жертвы и разошлись. После случившегося группа распалась, подростки больше вместе не проводили досуга, затаились.

Перед экспертами был поставлен вопрос: кто из подозреваемых имеет психологические особенности личности, позволяющие ему занимать лидирующее положение в данной преступной группе и какие именно? В процессе психологического обследования членов группы выраженные лидерские тенденции были выявлены у К. Т., 17-ти лет, которая являлась студенткой техникума. В структуре личности К. Т. наблюдались такие выраженные индивидуально-психологические характеристики, как эмоциональная устойчивость, самостоятельность, социальная активность, смелость, рациональность в сочетании с эмоциональной холодностью. В линии поведения К. Т. четко прослеживались черты безразличия и жестокости. Отмечался достаточно высокий уровень ин-

теллектуального развития (в сравнении с другими членами группы). Полученные данные психологического обследования совпадали с характеристиками, представленными на подэкспертную в материалах уголовного дела. Дальнейшее расследование подтвердило лидерские позиции К. Т. в организации преступного деяния. У нее на квартире собирались подростки, обсуждали план деликта, после случившегося она приказала всем затаяться и больше не встречаться, а в случае разоблачения не выдавать друг друга.

Расследование преступлений, совершенных организованной группой, представляет для следователей значительные трудности, связанные, в частности, с выявлением структуры преступной группировки, определением роли каждого ее участника и особенностей связей между ними.

Большую сложность представляет и решение вопроса о дифференциации конкретной роли каждого участника в преступных эпизодах, в особенности, когда речь идет об убийствах, совершенных членами преступной группы совместно.

Анализ дел данной категории показывает высокую эффективность привлечения судебных психологов. Эксперт-психолог способен дать заключение о степени влияния группы на отдельного участника, установить наиболее типичные формы взаимодействия между членами группы как при совершении преступления, так и в процессе расследования. Психолог может установить неформальных лидеров банды, которые часто пытаются завуалировать, принизить свою истинную роль, активно противодействуют расследованию.

Так, при расследовании преступлений, совершенных И., Ш. и Г., на разрешение судебно-психологической экспертизы была поставлена задача установления неформального лидера этой группы. Бандиты совершали нападения в масках, препятствующих опознанию, отказывались давать показания, активно защищались. Эксперт-психолог дал подробные психологические характеристики всем обвиняемым и указал: "В исследуемой группе неформальным лидером является И. Об этом свидетельствуют более высокий интеллектуальный уровень его развития, наличие развитых волевых качеств и организаторских способностей, общительность, инициативность, настойчивость, эмоциональная устойчивость, богатый опыт (в том числе и преступный), находчивость и более широкий кругозор, чем у остальных членов группы, уверенность в себе, умение понять других людей, холодная расчетливость, хорошее физическое развитие". По заключению эксперта об устойчивости преступной группы и преступных целях ее создания говорили: общая продолжительность совместной деятельности участников, распределение ролей, общность антисоциальных установок и доминирующих мотивов деятельности, способов и средств удовлетворения потребностей. Суд, вынося обвинительный приговор, сослался на данные экспертизы.

Другая экспертиза связана с выяснением роли членов банды в совершении конкретного преступления.

На допросах и очных ставках бандиты признавали факт своего присутствия на месте преступления в момент убийства сообщника, заподозренного в предательстве, однако перелагали вину друг на друга. В числе вопросов, поставленных перед экспертами-психологами был и такой: какова наиболее вероятная модель поведения Комарова, Дядченко и Седлецкого при убийстве Смолянского? Изучив материалы дела и проведя экспериментальное обследование, эксперты заключили: “Наиболее вероятной представляется следующая модель поведения участников убийства Смолянского. Заподозрив последнего в предательстве, Комаров и Дядченко приняли решение его “убрать”. Комаров на своей машине отвез всех в лес в безлюдное место. У Дядченко и Комарова было оружие. При этом Комаров, Седлецкий и Смолянский приняли наркотики. Убивали Смолянского Дядченко и Седлецкий. Комаров сознательно устранился от непосредственного участия в убийстве”. Суд привел данную цитату в обвинительном приговоре¹.

Организованные преступные группы отличаются стабильностью личного состава, в них вырабатываются групповые нормы поведения и ценностные ориентации. Нарушитель определенных норм поведения подвергается преследованию. В организованной группе имеется четко поставленная цель преступления. Ее члены отличаются выраженной криминальной направленностью.

При психологическом анализе организованной преступной группы необходимо определить степень ее антиобщественной направленности, цели и мотивы, а также специфику эмоциональных связей между членами группы. При анализе эмоциональных связей необходимо тщательно изучить индивидуально-психологические характеристики каждого члена группы. Причем важно выявить как лидерские позиции среди подозреваемых, так и позиции конформистов, которые обязательно присутствуют в любой преступной группе. В связи с этим перед экспертом-психологом целесообразно поставить вопрос: у кого из подозреваемых в группе имеются такие особенности личности, как повышенная внушаемость, робость, подчиняемость, особые волевые качества?

В любой преступной группе может быть и оппозиционер. Структура личности оппозиционера отличается высоким уровнем притязаний, повышенной активностью, нередко высокой эмоциональностью. Психологический анализ поможет следствию раскрыть психологическую характеристику мотивационной линии поведения оппозиционера и тем самым оптимизировать следственный процесс.

---

¹ Законность. 1995. № 6.

Данная экспертиза направлена на установление внутренней структуры группы, членами которой могут быть как несовершеннолетние, так и совершеннолетние лица.

Перед экспертами могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Каковы индивидуально-психологические особенности личности подсудимых?

2. Кто из подсудимых имеет психологические особенности личности, позволяющие ему занимать лидирующее положение в группе?

3. Кому из подсудимых присущи такие особенности личности, как повышенная внушаемость, робость, зависимость или повышенная агрессивность, жестокость (в зависимости от того, что интересует следствие)?

4. Имеются ли в группе социально-психологические признаки высокой организованности, сплоченности и если имеются, то в чем они конкретно выражаются?

5. Учитывая выявленные психологические особенности членов группы, каков наиболее вероятный сценарий их поведения в ситуации совершения преступления?

§ 4. Судебно-психологическая экспертиза определения способности несовершеннолетнего правонарушителя осознавать значение совершаемых им действий

Проблемы, которые разрешаются данным видом экспертизы, стояли перед правоохранительной системой в течение последних 30—35 лет. Однако наиболее актуальной эта экспертиза стала с 1 января 1997 г., в связи с введением в действие Уголовного кодекса РФ. Впервые в российском уголовном законодательстве предусмотрено освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних, если они достигли ко времени совершения общественно опасного деяния возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, не могли в полной мере осознавать характер своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 3 ст. 20 УК РФ).

Практические работники правоохранительной системы по делам несовершеннолетних нередко сталкиваются с фактами, когда подросток, совершивший правонарушение, проявляет различные признаки отставания в психическом развитии. При анализе содеянного может отмечаться несоразмерность объективного содержания действий подростка субъективно поставленным целям.

Например, похитив из ларька несколько ящиков с водкой, два подростка вылили эту водку из бутылок на землю, а пустые водочные бутылки пытались сдать в приемный пункт посуды.

Иногда действия подростка сопровождаются излишне циничными, демонстративными выпадами.

Например, в процессе кражи из магазина подростки открыли банку с джемом и с помощью этого джема сделали несколько надписей на стенах подсобного помещения. По заключению судебно-психиатрической экспертизы в большинстве случаев эти подростки признаются вменяемыми.

Перед судебно-психологической экспертизой стоят задачи определения уровня интеллектуального развития и уровня развития эмоционально-волевой сферы подэкспертного, а также индивидуально-типологических особенностей личности, которые могут иметь значение при разрешении данного дела. Например, экспертиза может установить склонность подростка к фантазированию, его повышенную внушаемость и т. п.

В процессе судебно-психологической экспертизы определяется, способен ли данный подросток полностью осознавать характер и значение совершенных им действий, а также регулировать свою деятельность в процессе правонарушения.

Юридически значимый поступок имеет объективную (действие подследственного) и субъективную сторону. В характеристику субъективной стороны включаются мотивы, цель, степень осознания содеянного, предвидение последствий совершаемых действий, характер волевого к ним отношения. Знание основных мотивационных линий поведения подследственного позволяет раскрыть внутреннюю картину преступления, проследить степень осознания поступка, предвидения последствий содеянного. Если подследственный не мог в полной мере осознавать фактическое содержание своего поведения или способность к волевой регуляции у него была деформирована, то он не может в полной мере отвечать за свои поступки. Юридической оценке подвергаются только сознательные действия субъекта, которыми он мог управлять.

Проблема осознания своих действий и способность руководить ими является стержневой проблемой судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних и малолетних правонарушителей.

Полное осознание человеком значения своих действий включает в себя: а) правильное понимание объективного содержания собственного поведения, целей совершаемых действий; б) предвидение результатов своих деяний; в) оценку своих действий с точки зрения действующих моральных и правовых норм.

Способность руководить своими действиями выражается в свободном выборе как целей, так и способов их достижения. Выбор способа действия неразрывно связан с мотивами поведения.

Экспертная оценка способности преступника осознавать значение совершаемых им действий требует тщательного анализа умственного развития субъекта преступления, особенностей его личности, самосознания. Важное значение в экспертной оценке проблемы осознания своих действий играет психологический анализ формирования антиобщественного поступка.

В процессе изучения внутренней картины преступления на этапе формирования антиобщественного поступка следователю необходимо проанализировать формирование правосознания, самооценки, реальных жизненных ценностей и нравственных установок подростка. Для выяснения условий жизни, воспитания подростка, его поведения, увлечений, интересов, индивидуальных особенностей психики, его ближайшего окружения целесообразно допросить педагогов, соседей, родителей. Эти сведения имеют важное значение для эксперта-психолога.

Далее необходимо исследовать способы принятия подростком преступного решения. Принятие решения рассматривается как процесс взаимодействия личностных черт субъекта, его установок, ценностных ориентации с особенностями объективной внешней ситуации, в которой подросток действовал. В процессе принятия решения определяющее значение оказывают индивидуальные свойства личности. Получив информацию от психолога об индивидуальных особенностях личности подследственного, следователь должен соотнести их с образами объективной внешней реальности, со спецификой антиобщественного поступка.

Чрезвычайно важным в экспертной оценке противоправного поступка является психологический анализ ситуации деликта, анализ психического состояния подростка в момент деликта, его отношение к содеянному и осознание случившегося.

С целью анализа степени делинквентности и деморализации несовершеннолетнего целесообразно использовать классификацию Миньковского, где автор предлагает выделить три типа делинквентностей.

1. *Последовательно-криминогенный тип*, когда преступление вытекает из привычного стиля жизни подростка, обусловлено его специфическими взглядами, установками, ориентациями. Такие подростки сами формируют ситуацию преступления. Как правило, они имеют некоторый преступный опыт, опыт общения с судебными органами.

2. *Ситуативно-криминогенный тип*, где преступление в значительной степени обусловлено неблагоприятной ситуацией. Подростки этого типа, как правило, не сознают ситуации преступления, т. е. не являются инициаторами, а совершают его под влиянием группы или в состоянии алкогольного опьянения.

3. *Ситуативный тип* характеризуется незначительной выраженностью негативного поведения. Преступление совершается под решающим влиянием ситуации, возникшей не по вине подростка¹.

Особое место в экспертной оценке занимает анализ личностной значимости цели действий подростка.

Нередко следственным работникам в процессе следственных действий приходится сталкиваться с явлениями личностной незрелости подростка, что затрудняет решение вопроса о способности несовершеннолетнего полностью осознавать значение совершаемых им действий. Личностная незрелость может быть обусловлена рядом социобиологических факторов. Например, одной из форм задержки психического развития является психофизический инфантилизм, который проявляется в задержке психического и физического развития. Такие подростки по своему физическому и психическому облику соответствуют более младшему возрасту. Как правило, они обучаются по массовой программе в школе, но дублируют классы. При проведении экспертного исследования целесообразно назначить комплексную психолого-психиатрическую экспертизу или предварительно провести психиатрическую экспертизу для констатации диагноза.

Одной из важных причин личностной незрелости может быть и социально-педагогическая запущенность подростка. Поводом для назначения судебно-психологической экспертизы для таких подростков могут служить данные о неблагоприятных условиях их воспитания. В этих случаях психиатрическая экспертиза не обязательна.

При назначении судебно-психологической экспертизы на предмет осознания подростками своих действий и умения руководить ими следователь, анализируя материалы уголовного дела, должен обратить внимание на следующие моменты:

- цель совершенного преступления;
- соотношение цели и средств ее достижения;
- определенность и стойкость цели;

---

¹ См.: Минысовский Г. М. К вопросу о типологии несовершеннолетних правонарушителей // Проблемы судебной психологии. Тбилиси, 1971. С.31—32.

соответствие способов достижения цели личностным характеристикам подследственного.

Для оценки способности осознавать значение совершаемых действий и руководить ими рекомендуются следующие типовые вопросы.

1. Каковы интеллектуальные и индивидуально-психологические характеристики подростка?

2. Учитывая его особенности психического развития, мог ли он полностью осознавать значение совершаемых им действий?

3. Каковы особенности психического состояния подэкспертного в период инкриминируемых ему действий?

4. Учитывая особенности психического развития подэкспертного и особенности его психического состояния, в какой мере он мог руководить своими действиями?

Дополнительно можно ввести такой вопрос. Имеются ли в структуре личности подэкспертного свойства, оказавшие существенное влияние на особенности поведения подэкспертного в ситуации деликта и на особенности его показаний, например, агрессивность, внушаемость, лживость как устойчивая личностная характеристика, гиперсексуальность и др.?

Опыт нашей работы подсказывает, что при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних, привлечение психолога не только повышает эффективность расследования, но и способствует оптимизации психологического контакта между следователем и подростком.

§ 5. Судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей участников преступления

Наиболее часто этот вид экспертизы используется в случаях, когда перед следователем или судом возникает вопрос о личностных особенностях участника преступления и их влиянии на его поведение в изучаемых ситуациях.

Основанием для назначения данного вида экспертизы могут выступать:

существенные расхождения в показаниях свидетелей, потерпевших или подозреваемых;

большой срок давности события;

особые условия деликта, что снижало способность свидетелей, потерпевших и подозреваемых правильно воспринимать обстоятельства дела;

противоречивые данные о личности участников преступления в материалах уголовного дела;

рекомендаций экспертов-психиатров о проведении судебно-психологической экспертизы.

Во многих западных странах общая психологическая характеристика личности является необходимым компонентом при расследовании уголовных дел, причем она дается всем участникам преступления: преступникам, потерпевшим и свидетелям. Эта характеристика не носит социально-оценочного характера, а строится на научно обоснованных положениях психологии.

В отечественной судебно-следственной практике обращаются к экспертам-психологам в основном при решении конкретных задач, требующих дополнительных познаний в области психологии.

Наиболее часто вопрос об индивидуально-психологической характеристике личности возникает при анализе свидетельских показаний несовершеннолетних и малолетних свидетелей.

Однако история развития СПЭ показывает, что еще в начале XX века наблюдалось активное стремление юристов использовать достижения психологической науки для решения задач, стоящих перед правосудием. В работах Г. Гросса, А. Бине и В. Штерна было убедительно показано, что даже психически здоровые люди обнаруживают различия в восприятии, запоминании и последующем воспроизведении наблюдавшихся ими событий, причем в ответы вносятся сознательные и неосознаваемые искажения. Еще А. Бине в 1900 году, опираясь на результаты экспериментальных данных, показал, что дети при даче показаний склонны допускать те или иные ошибки, и для верной оценки ответа на вопрос, касающийся особенностей объекта восприятия, необходимо анализировать не только ответ, но и вопрос.

В работах В. Штерна описаны экспериментально-психологические исследования свидетельских показаний, проводимые путем сопоставления характеристик определенных объектов с последующими воспоминаниями о них. В результате экспериментов было установлено, что свидетельские показания характеризуются разной степенью полноты и точности передачи явлений объективной действительности. В. Штерн пришел к выводу, что безошибочность восприятия — это не правило, а скорее исключение, причем ошибочность показаний возрастает по мере того, как увеличивается промежуток между восприятием и воспроизведением. В дальнейших исследованиях психологи и юристы анализировали факторы, влияющие на особенности свидетельских показаний. Была показана зависимость полноты и достоверности показаний от специфики объекта восприятия, характера внешних условий, при которых осуществлялось вос-

приятие, и, наконец, от индивидуально-психологических характеристик самого свидетеля.

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста характерна малая детализированность восприятия, неполнота отражения. Дети выделяют в каждой ситуации те предметы, которые для них эмоционально значимы, которые сами по себе привлекают их внимание необычной формой, окраской. Ребенок может воспринимать несущественные детали, у большинства детей дошкольного и младшего школьного возраста наблюдается эйдетизм, т. е. способность к сохранению и воспроизведению чрезвычайно живого и детального образа воспринятых ранее предметов и сцен.

Например, девочка, 6,5 лет, была свидетелем, как в квартиру вошли незнакомые мужчины, постучались к соседке. После их визита соседка была обнаружена в своей комнате мертвой. Со слов девочки, она видела пришедших через небольшую щель занавешенной стеклянной двери, в прихожей было слабое освещение. Однако девочка подробно описала внешний вид мужчин, цвет их пальто, даже обратила внимание следователя на цвет шнурков у одного из них. Следователь назначил судебно-психологическую экспертизу и поставил перед экспертами два вопроса. “Каковы индивидуально-психологические особенности свидетеля? Каковы особенности ее памяти?” Эксперты установили, что у девочки отмечается выраженный эйдетизм. По описанию девочки был составлен фоторобот, и вскоре преступники были найдены.

Способность к узнаванию не одинакова у людей разного возраста и интеллектуального развития. Сложным процессом памяти является активное воспроизведение — “оживление” представлений памяти при отсутствии раздражителей. У некоторых людей с определенным складом личности в процессе воспроизведения образов памяти обнаруживается тенденция дополнять их элементами образов воображения. В основном это наблюдается у детей или взрослых, имеющих склонность к фантазированию.

В детском возрасте наиболее ярко проявляются фантазии, как наиболее выраженное проявление творческого воображения. Содержание детских фантазий зависит от их опыта, интересов, а также от отношения детей к окружающим их людям. Кроме того фантазии нередко носят и защитный характер. Например, ребенок, который чувствует недостаток внимания к себе, может придумать какую-нибудь фантастическую, невероятную историю, чтобы обратить на себя внимание взрослых. Нередко дети фантазируют, чтобы угодить взрослому, вызвать у него интерес к себе.

При анализе свидетельских показаний следователь не только учитывает особенности познавательных процессов (восприятия, памяти, мышления, воображения) свидетелей и потерпевших, но

и их характерологические особенности. Например, среди малолетних и несовершеннолетних свидетелей встречаются лица с повышенной чувствительностью, сензитивностью, особенно к мнениям и оценкам окружающих. Например, на вопрос “Дядя Ваня плохой?” сензитивный ребенок обязательно ответит утвердительно. Такие дети тонко улавливают настроение и отношение взрослых к ним.

На разрешение СПЭ свидетельских показаний могут быть вынесены следующие вопросы:

1. Учитывая индивидуальные особенности восприятия (зрительного, слухового или другого) свидетеля и конкретные условия, в которых происходило событие, мог ли свидетель правильно воспринимать важные для дела обстоятельства?

В случае давности события вопрос может быть конкретизирован: обладает ли свидетель такими особенностями восприятия, памяти, внимания, которые могли бы способствовать запоминанию им информации (указать какой) и сохранению ее на протяжении длительного времени?

2. Учитывая индивидуально-психологические особенности, уровень умственного и речевого развития, мог ли свидетель правильно воспринимать важные для дела обстоятельства и правильно их воспроизводить?

3. Имеются ли у свидетеля признаки повышенной склонности к фантазированию, внушаемости, агрессивности и пр.?

Однако не только в детском возрасте наблюдается повышенная сензитивность и внушаемость. В нашей практике были случаи, когда взрослые подследственные под сильным психологическим нажимом давали признательные показания.

Например, 3., 20-ти лет, был арестован по подозрению в совершении убийства и изнасилования гр-ки К. Свидетель С. показал, что к 3. подошла женщина, которая затем была убита. 3. был арестован, когда возвращался из бани. По показаниям свидетелей, при аресте 3. “как бы обомлел, застыл в одной позе, находился в состоянии глубокой растерянности”. На допросе, который длился около 8 часов и проходил в ночное время, 3. сознался в содеянном. Свидетели отмечали, что при выезде на место происшествия 3. “не владел обстановкой на местности, крутил головой, смотрел вверх, был заторможенный и рассеянный”. В процессе длительных допросов 3. уже имел большую информацию по делу и давал признательные показания. На письменные жалобы в связи с необоснованными обвинениями 3. не получал ответа. В ходе судебного заседания 3. вину свою не признал и объяснил, что оговорил себя под воздействием работников милиции, что информацию о происшедшем получал от работников милиции и следователя из наводящих вопросов и в дальнейшем ее пересказывал. Приблизительно в это же время был задержан некий Л., который дал признательные показания по факту изнасилования и убийства гр-ки К. Вина Л. была доказана, в частности, у него были обнаружены драгоценности К. Вскоре

уголовное преследование в отношении З. было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. На работников милиции было заведено уголовное дело, и З. выступал уже в роли свидетеля. Следователь обратился за помощью к психологам с целью анализа личностных особенностей З., которые определили его поведение в ситуации обвинения. Перед экспертами было поставлено три основных вопроса.

1. Способен ли был З. с учетом индивидуально-психологических и возрастных особенностей, уровня умственного развития правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них правильные показания?

2. Имеются ли у З. признаки повышенной внушаемости?

3. Какие индивидуальные особенности личности З. определили его поведение в течение предварительного следствия?

Предварительно З. был обследован экспертами-психиатрами и признан вменяемым и способным руководить своими действиями. В процессе психологического исследования З. в контакт с экспертами вступал охотно, при ответах на вопросы отмечался замедленный темп речи, что наблюдалось также при выполнении психологических заданий.

Уровень умственного развития З. соответствовал возрасту и полученному образованию, но обращали на себя внимание тугоподвижность и инертность мыслительных процессов. В структуре личности выявлены умеренная общительность, сдержанность, склонность скрывать внутренние конфликты и переживания, эмоциональная заторможенность. Наблюдалась выраженная конфликтность, что проявлялось в склонности к подчинению, к зависимости от окружающих, в склонности к самоупрекам. Отмечена общая инактивность, социальная зависимость, отсутствие проницательности, слабое понимание мотивов поведения других людей. Выявленные в процессе экспериментально-психологического исследования характеристики соответствовали характеристикам, представленным в материалах уголовного дела. В конфликтных ситуациях З. склонен к эмоциональной заторможенности, растерянности, отмечается отсутствие самозащитной активности, безынициативность. В острых критических ситуациях для З. характерен уход от активных реакций на ситуацию и переход в состояние пассивного внутреннего сопротивления в сочетании с внешней демонстрацией "послушания". Эти характеристики вполне согласовывались с особенностями поведения З. в изучаемых ситуациях. З. несколько раз на допросах обещал показать место убийства, место захоронения трупа, а также место, где спрятал похищенные вещи. Однако при выезде на место вел себя пассивно и не мог показать то, что от него ожидали. Устранить возникшие в результате этих ситуаций противоречия З. также не мог, и все это мешало наладить контакт между ним и работниками, которые вели расследование. Специальный анализ состояния и поведения З. показал, что З. находился в состоянии длительного физического и психического напряжения и ситуации допросов являлись для него аффектогенными. Психологическая переработка этой ситуации осуществлялась З. в соответствии с его характерологическими особенностями: стремлением уйти от субъективно-тягостных ощущений, склонностью к реакциям самообвинения, неспособностью к активному разрешению сложившейся конфликтной ситуации. Реальная блокада ведущих мотивов З. в сочетании со склонностью к дезорганизации деятельности в сложных ситуациях, отсутствие гибкости поведения, конформность как устойчивая лич-

ностная характеристика привели З. к иррациональному выходу из создавшейся ситуации — взятию вины на себя. В структуре личности З. была выявлена высокая внушаемость, причем субъективная готовность З. подчиниться внушающему воздействию в одинаковой степени зависела как от ситуативных (давление со стороны следователя), так и личностных качеств. Анализ следственной ситуации выявил следующие факторы, влияющие на повышение внушаемости у подэкспертного: стрессовая ситуация допроса, физическое и психическое утомление, новизна ситуации ареста и изоляции, дефицит времени для принятия решений. Из личностных качеств, благоприятствующих внушаемости, были выделены — общая заторможенность, слабость логического мышления, доверчивость, тревожность.

Таким образом, на поведение З. на этапе предварительного следствия оказали влияние такие устойчивые личностные характеристики, как замедленность и тугоподвижность мыслительных процессов, инертность протекания нервных процессов, склонность к подчинению, зависимость от окружающих, конформность, безынициативность, отсутствие проницательности. Наблюдался низкий показатель степени социальной адаптации, отсутствие самозащитной активности, эмоциональная заторможенность. Основным способом психологической защиты З. являлся уход от конфликта и выработка компромиссных решений. Перечисленные характеристики согласуются с особенностями поведения З. на предварительном следствии.

В представленном примере наглядно показана роль психологических исследований в анализе показаний подследственного. Если бы следователь обратился к психологам на этапе расследования, то, возможно, были бы исключены следственные ошибки, и тактические стороны допроса обвиняемого соответствовали бы его индивидуально-психологическим характеристикам.

При постановке вопросов для экспертов рекомендуется первым поставить вопрос об общих особенностях личности свидетеля, потерпевшего или обвиняемого, а затем о конкретных личностных характеристиках, например, о внушаемости, агрессивности и пр.

В материалах уголовного дела должны быть представлены подробные характеристики на подэкспертных, которые эксперт-психолог использует при анализе устойчивых индивидуально-психологических особенностей. Желательно, чтобы следователь в процессе допроса свидетелей на предмет уточнения личностных характеристик подэкспертных не только констатировал их особенности (трудолюбивый, добросовестный, жадный, великодушный, агрессивный, спокойный), но и подкреплял примерами из их жизни. Например, можно задать вопросы:

“Вспомните, какой поступок Вас больше всего удивил в подозреваемом? Если пострадавшую обижали, как она реагировала на обидчика?” Такая форма вопросов позволит получить более объективную информацию об участнике преступления.

§ 6. Посмертная судебно-психологическая экспертиза

Необходимость проведения посмертной судебно-психологической экспертизы может возникнуть при расследовании дел различных категорий. Прежде всего такая экспертиза проводится в отношении лиц, совершивших самоубийство, когда возникает вопрос о применении ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства). Расследованием дел данной категории часто занимаются следователи военных прокуратур по фактам самоубийств среди военнослужащих. Посмертная психологическая экспертиза может быть назначена при проверке фактов насильственной смерти, когда следствие разрабатывает версии о возможном убийстве, замаскированном под самоубийство, или наоборот, о самоубийстве, замаскированном под убийство. Заключение данной экспертизы может также в необходимых случаях помочь разграничить самоубийство и смерть в результате несчастного случая.

При всем разнообразии условий, при которых возникает необходимость в посмертной психологической экспертизе, объектом ее всегда является погибший человек, и эксперты решают одни и те же задачи:

исследование личности, индивидуально-психологических особенностей погибшего;

исследование психического состояния погибшего, в котором он находился в период, предшествовавший смерти; решение вопроса о том, являлось ли оно предрасполагающим к самоубийству;

исследование причин и условий развития у погибшего психического состояния, спровоцировавшего его самоубийство;

Вопросы экспертам-психологам оптимально сформулировать следующим образом.

1. Каковы были индивидуально-психологические особенности погибшего, и как они проявились в обстоятельствах его смерти?

2. Не находился ли погибший в период, предшествовавший его смерти, в психическом состоянии, предрасполагающем к самоубийству, и, если да, чем это состояние могло быть вызвано?

Данный вид экспертизы специалисты по праву относят к числу наиболее сложных и ответственных, поскольку эксперты лишены возможности проведения очного экспериментально-психологического обследования подэкспертного. Человека уже нет в живых, но необходимо “воссоздать” его образ, личность, психологический статус, “восстановить” и исследовать внут-

ренный мир, образ мыслей, мироощущение, чтобы выяснить причины, побудившие его уйти из жизни, или констатировать отсутствие этих причин.

Решение экспертных задач целиком основывается на собранных следствием материалах уголовного дела, и от их качества, полноты и объективности зависит обоснованность, надежность и эффективность выводов экспертов. При расследовании подобных дел представляется полезным непосредственное участие эксперта при производстве допросов свидетелей, предоставление эксперту возможности опроса в рамках экспертизы родственников, друзей и близких погибшего.

Материалы уголовного дела, подготовленные к производству данной экспертизы, должны содержать не только показания лиц, знавших погибшего, но и его письма, записные книжки, личные дневники, записки, а также, если имеются, различные продукты творчества погибшего — рисунки, стихи, прозу и т. п. Важная информация может содержаться на магнитных носителях — аудио-, видеокассетах, в памяти компьютера и на дисках.

Для обоснованного ответа на вопросы эксперты должны располагать по возможности исчерпывающими сведениями о личности погибшего, его характере, особенностях эмоционального реагирования, стиле поведения в конфликтных ситуациях, а также о ситуации, сложившейся вокруг погибшего накануне расследуемого события и его отношении к этому.

По мнению исследователей, суицид (самоубийство) является следствием социально-психологической дезадаптации личности, когда человек не видит для себя возможности дальнейшего существования в сложившихся условиях.

Может быть множество причин возникновения такой ситуации. Так, вероятность дезадаптации личности объективно повышается в периоды социально-экономической нестабильности в обществе, что находит беспристрастное отражение в статистике самоубийств. Особенно критическим оказывается “время потери надежд”, когда общественный подъем сменяется упадком, что усугубляет кризис общественного сознания, угнетающе действует на членов общества и способствует добровольному отказу от жизни наиболее слабых из них. Сильнее всего это проявляется в обществе, переживающем упадок и не имеющем перспектив для развития.

Иллюстрацией к этому может служить положение в нашей стране: в 1984 г. было зарегистрировано 81 417 самоубийств (примерно 32 на 100 тысяч населения) — больше, чем во всем западном мире, включая Европу, США и Канаду. В первые годы

перестройки на фоне обнадеживающих перемен явно наметился спад, но к 89—90 гг., расцвету карточной системы, кривая самоубийств вновь поползла вверх. В настоящее время регистрируется 38 случаев на 100 тысяч населения.

Неприспособленными в этой ситуации оказываются социально незащищенные и те, кто больше других подвержен депрессии, подавленности, у кого легко развивается чувство безнадежности, кто больше других уязвим в отношении стресса, импульсивен, неуверен в себе, склонен к сомнениям, зависим от окружающих. Слабыми в это время оказываются и те, кто недостаточно гибок, бескомпромиссен, обладает повышенной требовательностью к себе.

Острое состояние дезадаптации может возникнуть вследствие тяжелой болезни, жизненных неудач, потери близкого человека. В любом случае, при оценке тяжести и глубины социально-психологической дезадаптации личности рассматривается три компонента:

- 1) серьезность нарушений привычных условий жизни;
- 2) их интерпретация человеком (жизненный крах, безвыходная ситуация, личностная катастрофа или тяжелый, но проходящий эпизод);
- 3) нежелание или неготовность проявить усилия, чтобы приспособиться (усталость от жизни, нежелание “начинать жизнь сначала”, отвращение при одной мысли об этом или неготовность собраться, пересмотреть жизненные ориентиры, совладать с ситуацией).

Самоубийства различаются по своему значению и психологическим мотивам. В их основе часто осознанно или неосознанно содержится мотив — апелляция к чувствам близких людей или к общественному мнению, стремление получить от окружающих помощь и поддержку. В таком случае суицидальные действия могут принимать демонстративную окраску, являться истинными или быть имитацией, шантажом. Они нередко совершаются на глазах либо за несколько минут до прихода кого-нибудь, их способ часто не представляет серьезной угрозы — принимается небольшое количество таблеток, делается неглубокий надрез кожи, используется тонкая или старая веревка, двери оставляются открытыми.

По своему значению суицид может принимать парадоксальный характер поступка, выхода из конфликтной ситуации (как последний, неоспоримый аргумент в споре), косвенно означая включенность самоубийцы в жизнь, в отличие от полной отстраненности от жизни человека, совершающего самоубийство вследствие одиночества, тяжелой потери и т. п. В последнем

случае выбираются грубые и надежные способы, не оставляющие шансов выжить.

В основе самоубийств среди военнослужащих срочной службы, по мнению исследователей, лежит неадекватная тактика приспособления к специфичным условиям жизни в воинском коллективе. 76 % самоубийств приходится здесь на первые полгода службы, период активной адаптации. Молодые солдаты вынуждены приспосабливаться к строгому армейскому распорядку, физическим нагрузкам, ограничению личной свободы, закрытому воинскому коллективу, где порой имеют место такие негативные явления, как дедовщина, землячество. Самоутверждение некоторых военнослужащих происходит с применением грубой физической силы, морально-психологического прессинга. При возникновении конфликтных ситуаций выбор молодым солдатом тактики соперничества часто является наиболее деструктивным и, в конечном итоге, суицидогенным.

Высока вероятность дезадаптации в армии у лиц, в характере которых преобладают сензитивно-шизоидные черты: замкнутость, молчаливость, сдержанность, трудность установления неформальных контактов, склонность преимущественно к индивидуальной, а не групповой деятельности, скромность, бесконфликтность, невысокий уровень напористости, агрессивности, повышенная чувствительность, обидчивость. Несмотря на дисциплинированность, исполнительность, они обладают низким статусом в коллективе, не пользуются популярностью среди сослуживцев, невхожи в мелкие сплоченные группы, относительно близки только с одним-двумя сослуживцами, а то и вовсе не имеют друзей, не привлекают к себе внимания командиров. В конечном итоге это приводит к эмоциональной изоляции, неприятию, отторжению и агрессии со стороны коллектива и отдельных военнослужащих. При отсутствии эффективной воспитательной работы в подразделении у таких солдат нарастает состояние подавленности, тоски, безысходности, снижается самооценка и чувство самоуважения, что и предрасполагает к принятию решения о самоубийстве.

Примером является самоубийство матроса М-ской учебной части Алексея С., по которому была назначена комплексная психолого-психиатрическая экспертиза.

Экспертное исследование¹ выявило следующие обстоятельства. Со слов матери, Алексей родился здоровым мальчиком, развивался нормально, рос в многодетной семье, говорить начал с 4-х лет, несколько позже обычного. В школу пошел в 7 лет, учился неважно, дублировал 4 и 6 классы. По показани-

---

¹ Экспертиза проведена отделом судебной психиатрии судебно-медицинской экспертной службы Санкт-Петербурга.

ям сверстников, Алеша был трудолюбив, по характеру очень спокоен, никаких отклонений в психике не проявлял, был жизнерадостным, никогда не высказывал мыслей о самоубийстве. Увлекался плаванием, техникой. В раннем детстве после конфликтов отмечалась небольшая замкнутость, но отходил быстро, постепенно с возрастом стал более уравновешенным и спокойным. Родственники отмечают, что близких друзей у него не было, “просто были одноклассники”. После вступления матери во второй брак ревниво относился к отчиму, но вскоре отношения наладились.

После окончания 6-го класса учился в УПК, получил специальность автослесаря, окончил 8—9 классы вечерней школы. Согласно характеристике, за время учебы проявил себя с положительной стороны, активно участвовал в работе, среди товарищей пользовался авторитетом, показал хорошие знания на выпускных экзаменах. Отмечается, что иногда проявлял грубость и нетактичность по отношению к учителям. Близких отношений с девушками не имел, в злоупотреблении алкоголем, употреблении наркотиков не замечен.

С. считал своим долгом отслужить в армии, не дождавшись повестки, сам явился в военкомат, попросился на флот, хотел служить на подводной лодке. В ноябре 1995 г. призван на военную службу, по результатам психофизиологического обследования определен в 1 (высшую) группу по нервно-психической устойчивости. По отзывам сослуживцев и командиров, за время службы рекомендовал себя исполнительным, дисциплинированным матросом, замечаний не имел, был общительным, спокойным, миролюбивым, добродушным, в личных беседах на службу не жаловался, в конфликты не вступал, к командирам с просьбами и за помощью не обращался.

С. постоянно получал письма от матери и друзей, охотно отвечал. Из его писем, в отличие от показаний его сослуживцев и командиров, следует, что он испытывал определенные трудности в приспособлении к условиям службы. Алексей отмечает отсутствие контакта с сослуживцами, упоминает о неуставных отношениях в роте: “Здесь переводами <денежными> делимся напополам со старослужащими: а если нет, то все забирают”, “...у нас сделали особый контроль за ротой из-за того, что синяков много”, “...был день рождения у нашего “дедушки”, так устал за этот вечер, как за целый день не уставал”.

Письма С., а также его госпитализация в январе 1996 г. с диагнозом “ОРЗ” косвенно свидетельствуют о снижении его адаптационных возможностей, несмотря на то, что в них нет того условного знака, о котором они с матерью заранее договорились, на случай, если Алексей окажется в тяжелом положении. С. пытается представить эти факты как неизбежный атрибут армейской жизни:

“...без трудностей и на гражданке нет жизни”, “от тебя <матери> больней доставалось”, однако в его объяснениях содержится оттенок безнадежности:

“...это армия и уже ничего не поделаешь” (выделено нами),

В начале марта 1996 г. С. получил телеграмму, сообщавшую о смерти девушки, он несколько дней ходил расстроенный. В письме матери наряду с сожалением он выражает досаду: “Я тебе писал, чтобы ты вызов дала, а ты просто телеграмму дала... Надо было вызов делать, хоть домой съездил бы из этого дурдома...”. До этого С. снова оказался в санчасти с диагнозом “ОРВИ”, сам он пишет: “Снова закосил и лег в санчасть. Ничего у меня не болит, просто в роте делать нечего, дурдом полнейший, все ходят как собаки злые... здесь лежать не скучно, с пацанами отношения не то, что в роте, здесь все по-другому,

в лучшую сторону”, “...говорили мне, что учебка самое гнилое место на протяжении всей службы, а я, дурак, не верил, а зря...”, “мне здесь все уже до такой степени надоело, хоть волком вой... Все равно, лишь бы уехать побыстрее, пока я здесь дураком не стал”. Это уже свидетельствует о явной социально-психологической дезадаптации С., он находится в подавленном состоянии, разочарован, обессилен; не в силах выдержать ситуацию, он пытается вырваться из нее: ложится в санчасть, сожалеет об упущенной возможности поехать домой по вызову.

10 марта Алексей в составе команды из 4-х человек был направлен в командировку на хозработы, чему он был рад, поехал с охотой. 13 марта предстояло возвращение. После обеда 12 марта С. в разговоре с напарником высказывал нежелание возвращаться в часть, работать в командировке ему понравилось, но о каких-либо намерениях он не говорил. Вечером 12-го сослуживцы отметили изменения в его поведении, С. был раздражен и замкнут, лег в одежде на чужую кровать, задремал, на просьбу перелечь неожиданно ответил грубостью, потом перелег, но снова не на свою кровать, направил лампу себе в лицо, на неоднократное требование выключить ее никак не реагировал, долго не спал. Утром 13-го в 6 часов сидел один на камбузе, развел огонь, включил чайник, на замечание вошедшего Б. о неаккуратно сложенных дровах раздраженно ответил грубостью, через некоторое время ушел, чисто за собой убрав. Около 8 часов С. обнаружили в туалете висящим в петле, в кармане была написанная его рукой записка “Я не понял толк в жизни, зачем без толку жить”.

Следствие не выявило каких-либо следов борьбы, сопротивления, фактов насилия над С. Психиатры пришли к заключению, что он психическим заболеванием не страдал, в состоянии временного болезненного расстройства психической деятельности не находился. По заключению эксперта-психолога, индивидуально-психологические особенности С. сензитивного (чувствительного) типа (эмоциональная уязвимость, интровертированность, пассивность, неконфликтность, нерешительность) в сочетании с чувством долга, исполнительностью, ответственностью обусловили в ситуации объективно неблагоприятной внешней обстановки возникновение у С. состояния хронической фрустрации, неудовлетворенности, ограничивали его возможности выбора. Это кризисное состояние обострилось в преддверии очередного возвращения С. в стрессовые, фрустрирующие для него условия, что проявилось в его поведении в виде не свойственной ему раздражительности, сниженного настроения, отрешенности и отгороженности от окружающего. Данное состояние и явилось предрасполагающим к принятию решения о самоубийстве.

Допустимо предположить, что письма Алексея и показания его сослуживцев, имеющиеся в материалах данного дела, не в полной мере отражают негативную атмосферу в роте и ситуацию, сложившуюся вокруг С. накануне его смерти. При расследовании подобных дел показания солдат часто весьма скупо отображают действительное положение, особенно, если они даны своим командирам. Специфика закрытых воинских коллективов может создать для следователя значительные сложности в расследовании подобного рода дел, требует особой тщательности и настойчивости в сборе материалов для экспертизы.

При сборе информации о личности погибшего не следует пренебрегать сведениями о его развитии в детстве, школьной успеваемости, характере взаимоотношений в родительской семье, особенно, если расследуется самоубийство подростка. В случае суицида военнослужащего необходимы материалы, характеризующие личность погибшего до призыва в армию.

Относительно развития подэкспертного в детстве экспертам-психологам важно знать следующее:

возраст матери на момент рождения подэкспертного;

была ли беременность желанной, запланированной;

течение беременности, роды, осложнения;

не было ли задержек в раннем развитии, начале ходьбы, речи;

особенности поведения, возбудимость, плаксивость, пассивность, частые истерики, ночные страхи, сомнамбулизм (снохождение), ночной энурез (недержание мочи), заикание и т. п.;

кем воспитывался в детстве, особенности воспитания;

не было ли длительных разлук с матерью;

черты характера родителей, их стиль воспитания;

не было ли утраты родителей, в каком возрасте, по какой причине;

посещал ли детские дошкольные учреждения, отзывы воспитателей;

возраст начала учебы в школе;

успеваемость и ее динамика, отзывы педагогов;

какие предметы усваивались легче, какие труднее;

увлечения во внешкольное время;

особенности пубертатного (“трудного”) возраста, изменения в характере, не было ли побегов из дома, прогулов занятий, фактов курения, употребления алкоголя и наркотиков, раннего секса и т. п.;

круг друзей, приятелей, групповые нормы общения, кумиры и идеалы подростка;

отношение к будущему, профориентация, характер планов, намерений, их самостоятельность, реалистичность, устойчивость;

отношение к воинской службе: было ли желание служить, в какой род войск хотел призываться и др.

Сведения об особенностях поведения, характера, эмоциональной сферы погибшего могут быть получены из рассказов

лиц, знавших последнего. При этом мы рекомендуем обратить внимание на то, какими были его¹:

внешний вид: аккуратный, небрежный, невыразительный, неряшливый, выглядел на свой возраст, моложе своих лет, старше;

манера держаться: непринужденно, раскованно, безразлично, демонстративно, театрально, нагло, без чувства дистанции, скованно, зажато, застенчиво, незаметно;

присущее выражение лица: спокойное, осунувшееся, вялое, скорбное, удивленное, гримасничающее;

взгляд: блестящий, тусклый, холодный, прямой, открытый, исподлобья, пристальный, озирающийся, осторожный, в сторону, вниз, бегающий;

плач и слезы: часто плакал, на глазах появлялись слезы при упоминании каких-либо событий, отличался сдержанностью;

улыбка: смущенная, искренняя, ироническая, дурашливая, загадочная, неадекватная;

движения и жесты: без особенностей, манерные, медлительные, угловатые, суетливые, отсутствие жестикуляции, часто повторяемые движения;

голос: тихий, громкий, высокий, низкий;

интонации: без особенностей, злобные, гневливые, раздражительные, жесткие, требовательные, мягкие, жалобливые, страдальческие, просящие, радостные;

продуктивность речи: лаконичная, скупая, многословная, обыкновенная;

темп речи: замедленный, с паузами, ускоренный, нормальный;

особенности речи: частое употребление словесных клише, уменьшительных и ласкательных суффиксов, жаргон, сорные слова;

контактность: вступал в контакт первым, легко, быстро, охотно, с трудом, сдержанно, настороженно, отвечал с задержкой, часто невпопад или по существу;

эмоционально-волевое состояние: был боязливым, грустным, унылым, скучным, ленивым, переменчивым, обидчивым, злобным, стыдливым, раздражительным, пассивным, пессимистичным, оптимистичным, жизнерадостным, веселым, в приподнятом состоянии, энергичным, инициативным, упорным;

---

¹ См.: Кулганов В. А. и др. Психолого-педагогическая диагностика и коррекция суицидального поведения военнослужащих // Методы психолого-педагогической коррекции функционального состояния военных специалистов Ч. 1. СПб., 1997.

внимание: наблюдательный, рассеянный, отвлекаемый, без особенностей;

память: цепкая, хорошая, плохая, без особенностей;

мышление: последовательное, поверхностное, потери мысли, сообразительный, изобретательный, тугодум, резонер, частые уточнения, излишняя детализация.

Необходимо выяснить также, каково было состояние здоровья погибшего, какие заболевания он перенес. Особенно важно, на что жаловался погибший накануне происшествия, были ли у него бессонницы, с каким самочувствием он просыпался.

Безусловно, вызывает интерес степень религиозности погибшего, его профессиональная динамика, наличие различных проблем: алкогольных, финансовых, служебных, криминальных, личных и его отношение к ним.

Если возникнет предположение, что погибший был не вполне психически полноценным, здоровым человеком — имел травмы головного мозга, отличался странностями в поведении и т. п., то необходимо назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу.

В генезисе суицида нельзя не учитывать роли семьи — ближайшего социального окружения человека. Характер семейных взаимоотношений между супругами, родителями и детьми имеет исключительное значение в развитии социально-психологической дезадаптации личности. Внутрисемейная атмосфера способна успешно компенсировать, сглаживать суицидогенные проявления личности, но может и усиливать или даже провоцировать их.

Суицидологи указывают на следующие семейные факторы, которые могут предрасполагать к самоубийству¹:

отсутствие отца в раннем детстве;

недостаточность материнской привязанности к ребенку в родительской семье;

отсутствие родительского авторитета;

матриархальный стиль отношений в семье;

сверхавторитарность слабого взрослого, стремящегося утвердить себя с помощью эмоциональных взрывов и телесных наказаний ребенка;

разведенные семьи;

семьи, где суицид или суицидальную попытку совершали родители или близкие родственники.

---

¹ См.: Амбрумова А. Г., Пустовалова Л. И. Семейная диагностика в суицидологической практике: Методические рекомендации. М., 1983.

Наряду с этим выделяют определенные социально-психологические типы семей, стиль взаимоотношений в которых создает потенциальную опасность самоубийства. К ним относят:

1) тип дезинтегрированной семьи, характерной особенностью которой является обособленность ее членов, формальность отношений, отсутствие эмоциональных связей между ними; особенно опасная ситуация может сложиться в частично дезинтегрированной семье, в которой кто-то оказался изолированным, в одиночестве перед коалицией объединившихся против него родственников;

2) противоположный типу дезинтегрированной семьи — тип суперинтегрированной семьи, где нарушается чувство личной автономности ее членов, которые настолько “вжились” друг в друга, что и не мыслят существования врозь, отдельно. В такой семье смерть одного обнажает абсолютную беспомощность другого;

3) тип дисгармоничной семьи, характеризующейся рассогласованием целей, потребностей ее членов, отсутствием взаимной ориентации на общность и согласие, нежеланием поступиться собственными интересами и привычками. Соблюдение принятых норм принимает здесь характер принуждения, связан для кого-то с фрустрацией. Постоянное навязывание одним другому своих привычек, требование изменить поведение, стремление заставить его вести себя в соответствии с неприемлемыми для него жизненными ориентациями может создать в такой семье опасную ситуацию;

4) тип закрытой самодостаточной семьи, для членов которой семья является основной сферой приложения сил, единственным смыслом жизни, все остальное — работа, внесемейные отношения и др. — рассматривается лишь как средство для поддержания и обеспечения семейного благополучия. Какой-либо кризис в главной области жизнедеятельности — семье, грозит обернуться для ее членов суицидоопасной ситуацией.

5) тип консервативной семьи, основной особенностью которой является неспособность адаптироваться к изменчивым внешним условиям. Если член такой семьи оказывается вовлеченным в конфликт, развернувшийся вне этой семьи, другие члены в силу консервативной установки не могут прийти ему на помощь и дистанцируются от конфликта или принимают сторону противника. Подобная ситуация может восприниматься как предательство и привести к самоубийству вовлеченного в конфликт члена семьи. Как отмечают исследователи, таков механизм большинства так называемых “школьных” самоубийств.

В заключение необходимо заметить, что проблема самоубийств в нашем обществе приобрела в последнее время угрожающий характер. Назрела необходимость более активного обращения к этой проблеме правоохранительной системы, подкрепленного компетентностью судебной психологии и психиатрии.

§ 7. Психолингвистическая экспертиза

Интересными и важными объектами исследования в уголовном процессе являются письменные документы. Для установления их авторства следователь и суд прибегают, как правило, к помощи экспертов-криминалистов, назначая судебную почерковедческую экспертизу. Такая экспертиза выявляет признаки, особенности и детали, характерные для письма конкретного лица. Другие моменты, относящиеся к содержанию текста документов (логика, характер, содержание, тема и идея изложения), она не анализирует.

Имеющийся опыт производства почерковедческих экспертиз свидетельствует о довольно высоком уровне их эффективности, но на сегодняшний день необходим выход за эти традиционно сложившиеся рамки. Исследование письменной речи в уголовном процессе может помочь ответить на вопрос о том, что данный текст принадлежит именно данному автору, дать материал для выявления его личностных качеств.

Однако анализ письменной речи с целью установления ее автора, проведенный специалистами в новой отрасли психологической науки — психолингвистике, дает гораздо более полные и интересные данные. В отличие от экспертов-почерковедов, которые устанавливают идентичность почерков исполнителя исследуемого документа и подозреваемого, обвиняемого и т. д., эксперты-психолингвисты могут установить истинного автора письменного документа (в том числе и печатного), его эмоциональное состояние, личностные и другие особенности.

Устанавливаемые признаки речи психолингвисты группируют следующим образом:

звуковые особенности (для устной речи);

семантико-грамматические (характер выполнения фраз, выбор слов и конструкций, мера выразительности, правильности, организованности текста);

категориальные (возрастные, социальные, профессиональные, территориальные, национальные).

В речи могут проявляться психические заболевания и болезненные состояния психики. Например, непрерывная речь (невозможность остановить говорящего) свидетельствует о лого-

рее; персеверация (невозможность отойти от рассказываемого, повторение одного и того же) — о расстройстве ассоциативного процесса; разорванность, бессвязность речи (нарушение ее, отсутствие смысла, грамматических связей, наличие неологизмов, деформированных слов), обстоятельность, вязкость, резонерство, мудрствование — о расстройстве мышления.

Указанные особенности могут проявляться как в устной, так и в письменной речи. Они свидетельствуют не только о расстройстве определенной сферы психической деятельности обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, но могут указывать на недуг, которым страдает человек. Так, для больных Корсаковским психозом характерно употребление одних терминов вместо других: для эпилепсии — замедленность, неясность, вязкость, витиеватость, уменьшительные формы; для шизофрении — резонерство и обстоятельность, замена конкретных понятий абстрактными и наоборот; для маниакально-депрессивного психоза — скачки идей, отвлекаемость, "телеграфный" стиль. Психолингвистическая экспертиза, исследуя речь в качестве основного объекта, может таким образом подтвердить и данные судебно-психиатрической экспертизы.

Психолингвистическая экспертиза только начала применяться в судебной практике, она еще недостаточно разработана в плане методики и практических рекомендаций, однако становится все более популярной, так как может помочь суду и следствию, ответив на многие вопросы, касающиеся конкретного дела, — об авторстве письменного документа, речи, записанной на магнитную пленку, об эмоциональном состоянии и внутренней позиции исполнителя. Такую экспертизу следует проводить после почерковедческой. Поручать ее производство можно психолингвистам, психологам и лингвистам, филологам.

§ 8. Судебно-психологическая экспертиза по делам о происшествиях, связанных с управлением техникой

Основным объектом данного вида СПЭ являются водители автомобилей, железнодорожных составов, летчики, операторы энергетических установок и т. д., по вине или при участии которых произошли какие-либо происшествия (аварии, поломки техники и т. п.), а у следователя или суда возникают при этом сомнения в психофизиологических возможностях, обеспечивающих выполнение ими функций по управлению техникой.

В роли экспертов по данному виду СПЭ выступают специалисты в области психологии труда и инженерной психологии.

В настоящее время СПЭ применяют при расследовании происшествий на всех видах транспорта: железнодорожном, авиационном, автомобильном, морском, хотя, безусловно, наиболее часто экспертов-психологов приглашают для участия в расследовании дорожно-транспортных происшествий (ДТП). СПЭ направлена здесь на установление момента, когда водитель, с учетом его индивидуальных психофизиологических особенностей, имел техническую возможность предотвратить данное дорожно-транспортное происшествие. Поэтому объектом СПЭ могут быть не только водители, но и потерпевшие, и свидетели-очевидцы.

Перед экспертами-психологами прежде всего ставится вопрос о том, мог ли водитель (обвиняемый или потерпевший), исходя из его индивидуальных психологических и психофизиологических особенностей, правильно воспринимать, запоминать и воспроизводить в своих показаниях обстоятельства ДТП.

Кроме того могут быть поставлены вопросы, связанные с установлением психофизиологических особенностей водителя, а также вопрос об оценке его действий (с психологических позиций) в нормальных условиях и в условиях ДТП.

В отношении других участников автодорожного происшествия эксперт может установить (в случае наезда) вероятную скорость движения пешехода с учетом его физических возможностей, особенностей и конкретной обстановки наезда¹.

СПЭ потерпевших компетентна выявить особенности их восприятия, характерные для них особенности формирования оценочных суждений. Конкретные вопросы могут касаться характеристик памяти, внимания, восприятия, времени реакции в условиях, в которых имело место ДТП.

Особый интерес представляют выводы экспертов-психологов относительно психического состояния водителя в момент ДТП, поскольку наряду с устойчивыми индивидуально-психологическими особенностями, психическое состояние оказывает влияние на течение всех психических процессов, участвующих в обеспечении деятельности водителя. Перед экспертами в связи с этим могут быть поставлены вопросы о том, не является ли данная ситуация экстремальной и если является, то какими признаками она характеризуется; не находился ли водитель в каком-либо особом психическом состоянии в момент ДТП (стресса, фрустрации, напряжения, тревоги, страха, утомления и т. д.).

---

¹ Проценко Н. Б., Яковлев Я. М. Судебно-психологическая экспертиза участников дорожно-транспортных происшествий // Экспертная практика и новые методы исследования. Экспресс-информация. Вып. 5. М., 1980.

Учитывая многообразие ситуаций, в которых происходят происшествия, связанные с управлением техникой, представителям правоохранительных органов необходимо иметь в виду, что назначению данного вида СПЭ должна обязательно предшествовать консультация со специалистами в области психологии труда и инженерной психологии, которая позволит правильно сформулировать вопросы, выносимые на разрешение экспертов.

§ 9. Психологическая экспертиза в составе комплексных экспертиз по делам о дорожно-транспортных происшествиях (ДТП)

Комплексная медико-психологическая экспертиза проводится с участием специалистов в области автодорожной медицины и медицинской психологии. Она назначается для оценки действий участников ДТП, их трудоспособности до и после происшествия, а также их способности давать правильные показания об обстоятельствах ДТП с учетом влияния психофизиологических факторов, изменяющих параметры психической деятельности человека в сторону, разумеется, их ухудшения, в частности, под влиянием так называемого “эмоционального шока”, возникающего в результате эмоциональной перегрузки или потрясения, либо физических травм, полученных при наезде или столкновении.

Комплексная психолого-автотехническая экспертиза проводится в сложных случаях для установления научно обоснованных характеристик механизма ДТП во всех его фазах, определения вызвавших его причин, в том числе и тех, которые определяются индивидуально-психологическими особенностями водителя или других участников ДТП. Данный вид экспертизы проводится совместно специалистами-автотехниками и инженерными психологами. В ходе ее проведения психологами даются ответы на вопросы, раскрывающие степень инженерно-психологического соответствия дорожной обстановки индивидуальным психофизиологическим возможностям водителя и других участников ДТП¹.

Комплексная психолого-светотехническая экспертиза поручается специалистам в области инженерной психологии и светотехники. Она назначается в тех случаях, когда для оценки действий водителя, механизма и причин ДТП необходимо учитывать динамику условий освещенности с точки зрения их влия-

---

¹ См.: Щерба С. П. Расследование и судебное разбирательство по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками. М., 1975.

яния на психофизиологические особенности восприятия водителя. Формулировки вопросов определяются конкретными обстоятельствами ДТП и частично содержатся в предыдущих разделах.

Рекомендуемая литература

1. Васильев В. Л. Юридическая психология М., 1991.
2. Коченов М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980.
3. Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977.
4. Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза М., 1988.
5. Кулганов В. А. и др. Психолого-педагогическая диагностика и коррекция суицидального поведения военнослужащих // Методы психолого-педагогической коррекции функционального состояния военных специалистов. Ч. 1. СПб., 1997.
6. Мельник В. В., Цыцарев С. В., Яковлев Я. М. Основы судебно-психо-логической экспертизы по уголовным делам. Л., 1987.
7. Плюс-минус жизнь: Социально-психологические аспекты проблемы суицида /Сост. А. М. Полеев. М., 1990.
8. Расследование доведения до самоубийства: Методическое пособие / Автор-сост. В. С. Бурданова. Л.—М., 1982.
9. Семейная диагностика в суицидологической практике: Методические рекомендации / Сост. А. Г. Амбрумова, Л. И. Пустовалова. М., 1983.

10. Социальная и судебная психиатрия: история и современность / Под ред. Т. Б. Дмитриевой. М., 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ГУМАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА РАССЛЕДОВАНИЯ	3
II. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГА В КАЧЕСТВЕ КОНСУЛЬТАНТА И СПЕЦИАЛИСТА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ	7
III. СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ	9
IV. ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ	16
§ 1. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний	16
§ 2. Судебно-психологическая экспертиза потерпевших по делам о сексуальных преступлениях	27
§ 3. Экспертиза социально-психологических особенностей членов преступной группы	32
§ 4. Судебно-психологическая экспертиза определения способности несовершеннолетнего правонарушителя осознавать значение совершаемых им действий	37
§ 5. Судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей участников преступления	41
§ 6. Посмертная Судебно-психологическая экспертиза	47
§ 7. Психолингвистическая экспертиза	56
§ 8. Судебно-психологическая экспертиза по делам о происшествиях, связанных с управлением техникой	58
§ 9. Психологическая экспертиза в составе комплексных экспертиз по делам о дорожно-транспортных происшествиях (ДТП)	59
Рекомендуемая литература	61